

Анна МАЛЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ЛИЦО В ТЕНИ

КТО СУДИТ О ВРАГЕ ПО ЕГО ТЕНИ, РЕДКО УЗНАЕТ ЕГО В ЛИЦО

Анна Витальевна Малышева

Лицо в тени

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119575*

*Лицо в тени: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-056873-4, 978-5-271-22589-5, 5-17-040137-X,
5-271-15311-8*

Аннотация

Алина мечтает посвятить свою жизнь дизайну одежды и открыть модное ателье. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает, и жизнь преподносит девушке неожиданный сюрприз. На ее сестру совершено покушение, а вскоре она и вовсе исчезает. И теперь Алине предстоит распутать таинственный клубок, в котором сплелись сложные семейные отношения, интриги, загадочные убийства...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	53
Глава 4	76
Глава 5	111
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Анна Малышева

Лицо в тени

Глава 1

Калитка, против обыкновения, оказалась запертой изнутри на крючок. Правда, откинуть его ничего не стоило – нужно было только просунуть пальцы между редкими прутьями решетки. Алина так и сделала, не переставая про себя удивляться – с какой стати заперли калитку? И смысла в этом никакого, да и не делалось так никогда. Но может, она приехала нехстати и никого нет дома?

Она пошла к веранде по хрустящей гравиевой дорожке, отмечая в саду детали, которые говорили, что дома все же кто-то есть. Между старыми яблонями была натянута веревка, на ней висело белье, с которого всю капала вода. Под яблоней – тазик с прищепками. На крыльце – полупустая бутылка пива, сквозь стекла веранды виднеется зажженная лампочка. Алина поднялась на крыльцо, толкнула дверь... Непостижимо – тоже заперто! Она принялась стучать, и ей немедленно ответил истеричный собачий лай и скрежет когтей. Через минуту ей открыла сестра:

– А я уж думала, ты сегодня не приедешь, – заявила она, быстро отворачиваясь и возвращаясь на кухню. – Заходи,

только запри дверь.

– Что случилось? – Алина осторожно ступала среди разбросанной по полу обуви. Маленький черный пудель назойливо лез ей под ноги, как всегда, не считаясь ни с чьими желаниями, кроме своих. А он желал быть взятым на руки, чего Алина терпеть не могла.

– Да ничего, только все равно запри дверь, – донеслось уже из кухни.

Девушка набросила крючок, поколебалась, дважды повернула ручку замка. «Лучше бы я не приезжала, – смутно подумала она. – День, кажется, пропал... Они опять поссорились, и теперь я до вечера буду слушать, как и из-за чего...»

Сестра возилась на кухне, у плиты. Из керамического горшка пахло тушеными грибами, в духовке что-то часто капало в огонь и аппетитно шипело. Готовился воскресный обед, в окна било августовское солнце, на открытой форточке сидел и, казалось, улыбался толстый бежевый кот, принадлежавший соседке... Все как обычно. Только вот запертая калитка, и дверь... И то, что сестра до сих пор ни разу не повернулась к ней лицом. И еще...

– А ну-ка, дай на себя посмотреть, – попросила Алина, пытаясь заглянуть ей в лицо.

Та слегка дернулась и сделала вид, будто ей что-то понадобилось в шкафчике. Алина ухватила ее за плечо и сразу все поняла – та вскрикнула от боли.

– Так. – От ярости девушка даже потеряла голос. При-

шлось откашляться. – Значит, опять, да?

– Он меня пальцем не тронул, – донеслось откуда-то из недр шкафчика. Марина сидела на корточках и сосредоточенно гремела на полках посудой. И на ней по-прежнему были черные очки – это резануло гостью взгляд, как только она вошла в дом, но Алина не сразу сообразила, что это может значить. Зато поняла теперь.

Она наклонилась и бесцеремонно сорвала с сестры очки. Та моментально закрыла глаза. Алина удивилась – она ожидала увидеть синяки, но их не было.

– Я чего-то не понимаю, – уже менее агрессивно сказала она, возвращая очки сестре. Те немедленно были надеты, после чего Марина продолжала приготовление ужина. Младшая сестра уселась за стол, не переставая удивляться своей ошибке. «Я же прекрасно знаю эти очки, черт возьми! Два раза зимой, еще раз – в начале весны... Я всегда ей говорила – какой смысл ходить дома в черных очках, когда и ребенку ясно, что муж тебя избил! И я знаю, и родители, и даже соседи знают! Нет, она их надевает и думает, что все шито-крыто!»

– Он меня не трогал, – не оборачиваясь, произнесла Марина, помешивая в горшочке грибы. – Сейчас будем есть.

– Он дома?

– Что ты? – как-то даже радостно возразила сестра. – Да он уже пятый день в отъезде.

Алина ей не поверила – та вполне могла прилгнуть, выго-

раживая мужа. Но Марина настаивала на своем – тот отправился в очередную командировку, в соседнюю область. Там появился большой особняк с участком на продажу, требуется провести экспертизу, оценить обстановку. Особняк недостроен, возможно, сильно недостроен... Марина рассказывала все это оживленно, в подробностях не путалась, и даже предложила сестре, если та не верит, позвонить туда самой и убедиться. Алина пожала плечами:

– Так у него же сотовый телефон! Откуда я знаю, где твой Василий находится, когда я ему звоню, – в этом доме или в Тверской области!

Марина возмутилась. Если ей не верят – не надо. В конце концов, она не обязана отчитываться... Но Алина может спросить у детей – те видели, как отец уезжал во вторник, оба были на даче. Василий заскочил сюда на машине, по дороге из Москвы...

– А где же они сами? – спросила Алина.

– Сейчас? – внезапно замялась сестра. – У мамы...

– Ясно. А ты тут одна?

Марина выключила плиту, заглянула в духовку и осторожно достала противень с курицей. Разрезала птицу, положила в тарелки рис, добавила тушеных грибов. Поставила на стол пиво, свою бутылку принесла с крыльца. Алина поняла – та хочет переменить тему. Она и сама собиралась поговорить о другом, но вот эти черные очки... И скованные движения сестры – когда та протягивала за чем-то левую руку, то мор-

щилась – движения причиняли ей боль. День был жаркий, а на Марине была белая водолазка – с длинными рукавами и поднятым до подбородка воротником. Младшая сестра просто видеть не могла ее в таких водолазках – это значило для нее только одно – накануне супруги опять повздорили, и Василий, конечно, дал волю рукам. Но Марина тщательно прятала свои синяки и никогда на мужа не жаловалась. Если бы дети тоже молчали – никто бы ничего и не знал... И если бы не черные очки...

– И все-таки, что случилось? – Алина даже не притронулась к вилке. – Я же вижу – у тебя что-то с плечом.

– А, это я растянула.

– Ну-ка, сними очки, – потребовала Алина. – Если у тебя не подбиты глаза – зачем они?

Но Марина уткнулась в тарелку. Некоторое время она пыталась есть, молча, сосредоточенно, явно призывая сестру последовать своему примеру. Над столом кружила оса, нагло примеряясь, какое блюдо выбрать себе на ужин. Маленький черный пудель улегся перед остывающей плитой и, шумно вздохнув, положил голову на лапы. Алина открыла пиво:

– В один прекрасный день он просто тебя убьет. Возможно, на глазах у детей.

– Ну перестань...

– Что – перестать? Кто заставил тебя уволиться с работы этой весной? Только потому, что тебе нравился твой начальник, а ему не нравился! Слишком молодой и симпатичный и

почему-то тебе не хамил, да?! Хороший повод избить жену и испортить ей карьеру!

Марина молча продолжала есть. Она как будто ничего не слышала.

– А перед Новым годом? А на твой день рождения? Ты даже гостей не можешь позвать, каких хочешь! Только баб, старых, проверенных подруг! Он же у тебя больной!

– Он меня любит, – убежденно и даже гордо ответила Марина.

– А кто в этом сомневается? Только он дурак. А ты дура, что с ним живешь!

– У тебя все дураки, – не выдержала Марина. В ее голосе уже слышались слезы. – А у нас двое детей, семья... Ты же не знаешь, что это такое!

Око за око – теперь замолчала младшая сестра. Она отпила пива, взялась за вилку и тут же положила ее на место.

– Ага, пусть я старая дева, но не хожу дома в солнечных очках! Кстати, я не понимаю, зачем ты их нацепила?!

И, желая оставить за собой последнее слово, принялась за курицу. Сестра ничего не ответила. Алина уже успела наполовину опустошить тарелку – она с утра ничего не ела и аппетит у нее был нешуточный, когда Марина вновь подала голос:

– Ну вот, я их сняла.

Она в самом деле их сняла и положила рядом со своей тарелкой. Младшая сестра мельком взглянула ей в лицо, потя-

нулась за пивом, но вдруг осознала, что именно увидела... Ее рука замерла.

Синяков и в самом деле не было. Но то, что она видела теперь, когда сестра сидела с открытыми глазами, оказалось намного более пугающим. В первый момент Алине показалось, что у нее начинается бред. Такого просто быть не могло, глаза ее сестры, да и вообще ничьи глаза не могли так выглядеть! Белки глаз были кроваво-красными, ужасающе яркого цвета. Серые радужки вокруг зрачков на этом чудовищном фоне казались почти бесцветными.

– Нагляделась? – отрывисто произнесла Марина и снова надела очки. Теперь Алина была даже рада этому. Такие глаза она видела только в фильмах ужасов, но считала, что такой эффект достигается с помощью компьютерной графики. Однако ей никогда не случалось отворачиваться от экрана телевизора, а вот реальность оказалась по-настоящему ужасна. Нечего было и говорить о том, что есть ей больше не хотелось. Она потянулась за пивом и опустошила бокал. Достала из сумки сигареты. Отметила, что пальцы слушаются неважно – сигарету удалось вытащить не сразу.

– Что это? Откуда? – спросила она наконец.

– А вот, отсюда, – и сестра оттянула вниз высокий ворот водолазки. Поперек ее шеи шли два отчетливых синих следа – ровных, будто татуированных. На этот раз Алина вообще ничего не смогла сказать. Воротник вернулся на место, милосердно прикрыв шею до подбородка. Марина хрипловато

засмеялась:

– Еще не понимаешь? Меня пытались убить.

– Что? – выдавила младшая сестра.

– Да то. Позавчера, когда я шла со станции, уже на нашей улице...

В этом дачном поселке, расположенном в пятидесяти километрах от Москвы, фонари по вечерам не горели. То есть номинально они существовали, но местные обитатели не могли припомнить, когда они в последний раз видели их зажженными. После десяти часов жизнь на улицах замирала. Редко брехали собаки за высокими заборами, иногда по кочкам пролетал одинокий велосипедист, вдалеке слышался шум электрички. Больше – ничего. Однако Марина настолько привыкла проводить здесь все лето с детьми, что ничуть не боялась ходить по темным безлюдным улицам. Ей нравилась тихая деревенская жизнь, и она часто говорила сестре, что в Москве не в пример страшнее, а здесь попросту нечего бояться.

Она возвращалась из Москвы в пятницу вечером, сильно припозднившись. Нужно было купить в городе кое-какие продукты, заглянуть в гости к родителям, сдать в чистку костюм мужа – все равно, пока тот раскатывает по командировкам, деловой костюм ему не требуется, а ведь нужно же его когда-нибудь чистить! В результате она едва успела на одиннадцатичасовую электричку и вышла на станции без нескольких минут двенадцать. Киоски уже не работали, и

Марина еще подосадовала, что не сообразила купить водки в Москве. А ведь на другой день должен был зайти сосед, чтобы доделать веранду. С ним выгоднее всего было расплачиваться именно водкой – если предлагали деньги, он запрашивал чересчур дорого, а вот водка, видно, представлялась для него не только материальной, но и духовной ценностью, и он уже не торговался.

Об этой некупленной загодя бутылке Марина и раздумывала, пока шла по улицам поселка. Идти было не близко – дом стоял на одной из окраинных улиц, дальше были только лес и речка. Она точно помнила, как и сообщила Алине, что никто ей по пути не встретился, никакие машины ни за ней, ни навстречу не ехали. Впрочем, и час был такой поздний, что половина поселка давно легла спать. Она уже свернула на свою улицу, и вот там-то, на углу, под бездействующим фонарем, все и произошло.

– Я подумала – настал конец света, – возбужденно говорила женщина, хватая сигарету. – Будто небо обрушилось, да... Это я уже сейчас понимаю, что он подскочил сзади и дал мне по голове... А тогда...

Тогда она упала на землю, совершенно не понимая, что происходит. Шею перехватило нечто, перекрывшее доступ воздуху. Опять же только теперь она поняла, что это была удавка. Но уже тогда сообразила, что сзади на нее навалился мужчина и душит ее, с явным намерением не оставлять в живых.

– Я перевернулась на спину, а он надел на меня сверху и душил, – у нее тряслась рука, и сигарета так и прыгала в пальцах.

– Ты рассмотрела его?

Нет, она его не рассмотрела. Марина даже засмеялась в ответ – как бы она смогла его увидеть, темно, хоть глаз выколи! Видела только, что это мужчина, наверное, он был пошире в плечах, чем ее муж, кажется, нестарый... Он не сказал ни слова, не издал ни звука... Женщина, успев понять одно – сейчас она умрет, сделала единственное усилие, на которое еще была способна.

– Руку он мне не вывихивал, – почти радостно сообщила она сестре. – Это я сама себе... У меня рука была подвернута под спину, и я вдруг подумала – умираю же, неужто даже перекреститься не дадут? Ну я и стала ее вытаскивать из-под себя... Дернулась, у него удавка чуть ослабла. И тут я как заору!

– О, мама... – только и смогла произнести Алина. Рассказ сестры был, безусловно, шокирующим и фантастичным, но она поверила ему – с той самой секунды, когда услышала, что та попыталась перекреститься. Это было так в духе ее старшей сестры, которая никогда не умела как следует разозлиться и ответить на насилие насилием! Перекреститься?! Да если бы душили ее, Алину, она бы думала только о том, как бы вцепиться в лицо этому гаду! Если бы только удалось вырвать руку...

– И тут он меня бросил и убежал, – неожиданно закончила рассказ Марина.

– Как?

– Да вот... Только я его и видела... О, господи, да и я не смотрела на него, просто встала на четвереньки и поползла домой... А уж когда залезла сюда! Ты не представляешь себе, – она обвела взглядом стены кухни, обшитые новенькой желтой вагонкой. – Сажу я тут на полу и думаю – может, я уже померла и это не наша дача? Потому что, понимаешь, я думала, что смерть пришла. А потом, как сообразила, что жива, что это все настоящее... Я была такая счастливая! Наверное, никогда в жизни такой счастливой не была!

И она расплакалась, по-прежнему не снимая очков. Из-под оправы выбежала сперва одна слеза, потом другая, Марина слизнула их с подбородка.

– А дети? Дети были тут?

Дети были на даче, но они уже легли спать, не дожидаясь возвращения матери. Десятилетний Илья и семилетняя Катя даже не узнали в тот вечер, что именно случилось с их матерью. Всю ночь та мучилась сомнениями – разбудить их, попросить помощи? Потому что чувствовала себя ужасно. Но потом решила не пугать детей. Зато нашла в себе силы выбраться из дома и постучать к соседке – та жила в другой половине дома, но эти половины не сообщались, и участок был разгорожен забором, без внутренней калитки. Пришлось выйти на улицу, но нападение не повторилось, там не

было ни души. Соседка тоже ворот никогда не запирала, и Алина, зайдя к ней, сообщила о том, что случилось, и попросила совета.

– И что баба Люба?

– Ой, лучше бы я к ней не ходила! – Марина наконец сняла очки и промокнула щеки рукавом водолазки. – Она чуть инфаркт не заработала, когда меня увидела. А я же не знала, как выгляжу, мне страшно было в зеркало посмотреть...

– Да, баба Люба, наверное, решила, что это оборотень, – вырвалось у Алины. – Сейчас как раз полнолуние!

Сестры посмотрели друг на друга и неожиданно захохотали. Причем младшая – истерично, а Марина – от всей души, хлопая в ладоши и приговаривая:

– Бедная бабка, до меня только сейчас дошло... Только сейчас... Глаза-то мои, глаза!

Но смех скоро оборвался. Алина потребовала отчитаться – обращалась ли сестра в больницу, в милицию? Да, в больницу она обратилась – в Москве, на другой день, когда отвозила детей к родителям. Дети, к слову, так ничего и не знают, да и мама тоже – даже черные очки ее не насторожили, день был солнечный. Марина быстро отделалась от детей, сказав, что колонка барахлит и мыться на даче теперь невозможно. Потом поехала в больницу.

– Мне доктор сказал, что есть опасность для жизни, – гордо сообщила она.

Алина хлопнула себя по колену:

– Так что ж ты, дура, тут сидишь?!

– Я не хочу в больницу, ненавижу больницы!

Это было правдой – полтора года назад сестра чуть не умерла от обыкновенного аппендицита, потому что неделю терпела боль, передвигаясь по квартире чуть не ползком, только чтобы не контактировать с людьми в белых халатах. Доктор во всяком случае осмотрел ей шею, прослушал сердце, потребовал сделать энцефалограмму, потому что подозревал, кроме всего прочего, сотрясение мозга. Плечо было вывихнуто, но его вправили и перевязали. Марина лелеяла слабую надежду, что глаза пройдут сами собой – ведь они-то совсем не болели, и видела она нормально. Но пугающий кровавый цвет белков никак не желал сходить.

– Короче, во вторник я все-таки лягу в больницу, – грустно сказала она.

– Так, а почему не в понедельник?

– В понедельник вернется Вася, тогда и лягу.

– Без Васи – никак?

– Ну ладно тебе... Я так хочу.

И это была точка. Алина слишком хорошо знала свою сестру, чтобы переубеждать ее и дальше. Марина могла быть кроткой, даже безответной. Но когда она говорила «хочу» или «не хочу» таким тоном – спорить было бесполезно. При чем обычно она упорствовала во вред себе.

– Ты мазохистка, – вынесла приговор младшая сестра. – Смерти ищешь? Ладно детей ты отсюда сплавила, но какого

черта сама сидишь на этой даче? Что у вас тут – ценные картины висят? Старинная мебель стоит? Что ты стережешь? Хочешь, чтобы этот тип забрался в дом и тебя прикончил? Что там сказали в милиции? Неужели посоветовали оставаться здесь?

В милиции – уже в местном отделении, зарегистрировали нападение.

– У меня спросили – буду я возбуждать уголовное дело, кто у меня на подозрении? А у меня никого нет. Ну и все. Сказали, чтобы я искала свидетелей.

– Как это – чтобы ты сама искала? Не они?

– Да что ты, будут они искать, я ведь жива!

Алина покачала головой:

– Конечно, будет куда как здорово, если тебя все-таки прикончат! Тогда все будет в полном порядке, сразу начнут искать свидетелей! Ну а ты, конечно, никого не искала? Парень не местный, ты его раньше не видала?

Марина призналась, что зашла только в один дом – тот самый, возле которого на нее напали. Но там ничего не видели и не слышали.

– Ты же кричала!

– А они говорят, что были в другой половине дома. Хотя у них окна горели по фасаду.

– «В другой половине!» – передразнила ее сестра. – Значит, знают, с какой половины могли слышать и видеть! Жлобы они, не хотят связываться! И чего только боятся! Я сама

к ним пойду!

А парень, как сообщила Марина, никаких особых примет не имел – так ей показалось. И даже если он был местный – она бы его при дневном свете не узнала. Но точно может сказать одно – близко она его не знает, иначе все-таки сумела бы узнать, даже в темноте.

– Он так-таки ничего тебе не сказал? – уточнила младшая сестра.

– Да что ты! Хоть бы ругнулся, так нет!

– А он тебя не ограбил? Сумку не вырывал? Он не пытался... Ну...

Сумку парень не трогал – когда Марина упала на землю, сумка отлетела в сторону, продукты высыпались, она собрала их уже под утро с помощью соседки. Пропала только вареная колбаса, но с другой стороны, было бы чудом, если бы она уцелела – ведь вокруг постоянно шляются собаки. А вот консервы в железных банках, кофе, чай – все уцелело. И батарейки для транзистора, и взятый из починки будильник, и косметичка с документами, и даже кошелек с небольшой суммой денег – все было собрано в целости и сохранности.

– Стало быть, он тебя не грабил?

– Да если б грабил – рванул бы сумку и удрал! Думаешь, я бы стала его догонять?

Что трусиха-сестра не стала бы преследовать грабителя на темной улице – в этом Алина была уверена. Марина добавила, что также не думает, будто парень покушался на ее честь.

Во всяком случае, никаких непристойных предложений с его стороны сделано не было. Он попросту пытался ее убить – больше ничего. Если и были какие-то иные намерения, они остались неизвестными.

Сестры замолчали. Еда остыла в тарелках, пена осела в бокалах с пивом, сигареты дотлели до фильтра. Пудель приподнял голову и слабо тявкнул.

– Иди во двор, – Марина встала и выпустила его из дома. – Вот так, Алька. Жизнь прекрасна... Уже хотя бы потому, что я жива.

– Счастливый ты человек, – буркнула Алина. – Многие на твоём месте сделали бы другие выводы. А у тебя всегда все хорошо. Муж избил – значит любит. Сын нахамил – значит растёт, мужает. С работы ушла – больше времени для хозяйства останется. Чуть не придушили – зато как прекрасна жизнь!

– А как нужно? – иронично поинтересовалась Марина. – Самой влезть в петлю, избавить других от хлопот?

Алина пожалала плечами:

– Лечь в больницу, вот что тебе нужно. Где на тебя напали, на углу? Я сейчас туда заскочу, поговорю. Но баба Люба тоже ничего не слышала?

Сестра опять засмеялась – баба Люба слышала что-либо только, если ей орали прямо на ухо. Алина вышла.

Дом на углу был самым большим на этой улице – к нему была недавно сделана пристройка. Хозяева купили соседний

участок с избушкой-развалюшкой и снесли ее, освободив себе пространство для роста. Алина упорно стучалась в глухие деревянные ворота, слушая грозный лай метавшейся во дворе собаки. Наконец ответил женский голос. Алина представилась и попросила разрешения войти.

– Да ничего мы не видели, сказано уже! – неприветливо откликнулась женщина.

– Ну видеть вы не могли, но вы же слышали, как Марина кричала!

Ответ был коротким и нецензурным. Удивляться не стоило – в поселке матерщина была в большом ходу, и к этому просто следовало привыкнуть. Крепкое словцо иногда отпускалось вовсе не из желания обидеть собеседника. Это был обыкновенный орнамент, который украшал разговорную речь. Алина хотела было ответить тем же самым, но передумала – стоит связываться... Она вернулась к дому сестры, по очереди стучась во все ворота. Удалось поговорить только еще с двумя соседями. Результат нулевой – никто ничего не видел, не слышал. Все в это время или спали, или мылись в бане, смотрели телевизор, выпивали... Алина получила одно приглашение к столу и одно предложение взять котеночка. Ни первое, ни второе ее не соблазняло, и она вернулась к сестре, на этот раз тщательно заперев изнутри калитку.

– Но этот крючок тебе не поможет, – сказала она, входя в кухню. – Его же просто пальцем снимают. А уж если он

войдет на участок – нет ничего проще, чем влезть в окно. Разобьет стекло и все.

Марина призналась, что все это так, но раз уж Вася приезжает завтра, она потерпит еще одну ночь.

– Так, может, остаться с тобой до утра? – предложила младшая сестра.

– Не надо, я с Дольфиком.

Дольфик, иначе Адольф – тот самый черный пудель, вовсе не казался надежной защитой. Голос у него был настолько несолидный, что пес не мог напугать даже кота бабы Любы. Тот по-свойски заходил на кухню, хладнокровно опустошал собачью миску, а Дольфик жался рядом с плитой и жалобно лаял, пытаясь отстоять свои права.

– Вы с Дольфиком – страшная сила, – мрачно сказала Алина. – Вася уже знает, что случилось?

– Ну зачем я буду его пугать, когда он далеко...

– В общем, все прекрасно и замечательно, – подвела итоги Алина. – В милиции от тебя отмахнулись, от больницы ты отмахнулась сама, дети у мамы, а ты тут заперлась с Дольфиком. Идиотка ты, Маринка, прости меня господи! Я остаюсь на ночь.

И она осталась, сделав несколько звонков с дачного, недавно установленного телефона и предупредив одну из сослуживиц, что завтра она, вероятнее всего, немного опоздает. Алина также хотела позвонить маме, но Марина с трудом удержала ее от этого шага.

– Только не по телефону! – умоляла она. – Я сама все скажу, на днях.

– Еще бы, ты же будешь лежать в больнице. – Алина положила трубку. – Все-таки я тебя не понимаю. Если тебе наплевать на собственное здоровье, то могла бы подумать о детях. Старшему всего десять лет, неужели ты хочешь оставить их сиротами?

Марина, ни слова не отвечая, принялась мыть посуду. Она снова надела очки, будто подчеркивая, что тема закрыта. Алина вышла на заднюю веранду и еще раз убедилась, что нет ничего легче, как проникнуть в дом именно отсюда. Рамы были выставлены, и даже ребенок с легкостью мог залезть сюда из сада. А уж попасть в дом через веранду и вовсе труда не составляло – дверь не запиралась, на ней не было даже крючка.

Алина присела в старое соломенное кресло и попыталась собраться с мыслями. Конечно, на фоне того, что случилось, было бы очень странно заводить деловой разговор. А именно за этим она сюда и приехала. Причем разговор предстоял очень серьезный, и уж, конечно, для этого требовалось присутствие мужа Марины. Но даже завтра, когда он явится, можно ли будет коснуться нужной темы?

Дело касалось дачи – именно этого дома, где сейчас находились сестры. Алина долго не могла решиться и поставить вопрос ребром, а проблема тем временем становилась все более сложной. Она и сама понимала, что затягивать дело

нельзя, но все никак не могла собраться с силами... А драгоценное время уходило.

Этот дом – точнее, половина большого деревянного дома – когда-то принадлежал сестре их матери. Тетка выстроила его вместе с мужем, много лет назад. Детей у супругов не было, и поэтому племянницы долго считали дом своей собственностью – ведь летом, приезжая на дачу, они властвовали тут безраздельно. Время шло, муж тетки умер, сама она часто болела. Когда обе сестры стали совершеннолетними, а тетка уже большую часть года проводила в больнице, дом попросту заперли, за дачей никто не ухаживал. А затем тетка составила завещание, отказав дом в равных долях обеим сестрам. Марина тогда была еще не замужем. Тетка умерла через полгода после ее свадьбы, больше всего расстраиваясь оттого, что так и не успела дожидаться внуков. Она говорила «внуков», потому что привыкла считать сестер своими родными детьми.

Как-то само собой получилось, что Василий, муж Марины, немедленно взял деревенское хозяйство в свои руки. Он занимался ремонтом, возился на участке, проводил тут почти все свободное время. Его дети также считали дом своим – говорили «наш дом», «наша дача». И очень бы удивились, узнав, что это не вполне «их дом». Да и помнила ли об этом их мать?

А Алина именно собиралась напомнить. Все эти годы она и сама не вспоминала, что имеет какое-то право на долю в

общем имуществе. Дом ремонтировался, Василий обустроивал его, никогда ни словом не намекая, что вторая сестра также должна вложить в ремонт какие-то деньги. Была заново проведена электропроводка, оборудовано отопление, канализация. Старые, переставшие плодоносить деревья были вырублены и заменены новыми. Дача преображалась, и с каждым годом повышалась ее стоимость. А младшая сестра оставалась от всего этого в стороне. Она приезжала сюда несколько раз за лето – не чаще. Лежала в саду, в шезлонге, изредка лениво передвигая его вслед за уходящим солнцем. Когда делались заготовки, иногда принимала в них участие – в основном мыла овощи и фрукты. А теперь явилась требовать свою долю...

«Но я же не собираюсь просить половину! – оправдывалась про себя Алина. – Я хочу треть. Я прекрасно понимаю, во сколько им обошлись все переделки... Но одна треть – моя, и теперь я хочу ее получить».

Об этом ее плане никто не знал. Если бы она сказала родителям – те бы всплеснули руками и обвинили ее в эгоизме, цинизме и еще бог знает в чем. Девушка давно привыкла, что ее считают отрезанным ломтем. В то время, когда Марина выходила замуж и рожала детей – Алина работала, снимала квартиру, занималась своей карьерой. Первый же родившийся внук начисто изменил интересы родителей, особенно матери. В семье появился кто-то маленький, о ком следовало заботиться. А младшая дочь немедленно отошла на задний

план. Она не выходила замуж, не собиралась в ближайшем времени рожать, ее профессиональные достижения не радовали родителей – те воспринимали их, как нечто само собой разумеющееся. Их намного больше волновал взрывной характер зятя, синяки Марины, детские болезни...

«Но тетка завещала дачу нам пополам, и ничего такого нет в том, что я хочу свою половину, – убеждала себя Алина, собираясь сегодня ехать за город. – Они поймут, а родителям я скажу потом. Маринка вообще ничего против иметь не будет, ну а Василий... Я с ним поговорю. Давно пора».

Хотелось бы ей знать, как он будет возражать! Хотя этой зимой, между Новым годом и днем рождения Марины, у них с Василием вышел крупный скандал. Младшая сестра забежала к ним на минутку забрать какую-то книгу, узрела сестру в синяках, зареванную, увидела испуганных, ужасающе притихших детей... Все это было выше ее разума, и как только вернулся муж сестры, Алина немедленно высказала ему все, что накопилось у нее в душе за многие годы. Она попросила, чтобы он попробовал сделать с нею то, что делает с ее сестрой. Ну а она попробует ответить...

Он не попробовал, зато Алина отвела душу, швырнув в него стулом. Стул в свояка не попал и разлетелся на части, ударившись о паркет. Снизу застучали по батарее – дело было поздним вечером. Она развернулась, обругала всех присутствующих и ушла. Общение с Василием возобновилось только через полгода, но они обменивались только самыми

незначашими словами. А теперь предстоял крупный разговор – о разделе имущества. Говорить пришлось бы именно с ним – ведь именно свой труд и свои деньги Василий вкладывал в дачу.

«А что теперь? – спросила она себя, давя окурок в пустой кофейной банке. – Да, кажется, не время. Придется как-то выкручиваться. А у него кое-что в запасе есть, я знаю. И если бы я нажала, он бы дал...» Она даже не думала о том, что придется продавать дачу. Алина строила свои расчеты на ином основании – когда Василий вспомнит, что дом, над которым он так трясся, в сущности ему не принадлежит, он не пощадит своих сбережений, раскроет кошелек... Ну а она в ответ подпишет дарственную на имя старшей сестры, передав ей вторую половину имущества. Это будет справедливо. И ничего страшного в этом нет – это давно следовало сделать.

Но сейчас, когда сестра едва жива, вряд ли можно было заводить речь о разделе имущества. «Я буду выглядеть стервятницей, – подумала Алина. – Да, впрочем, я буду так выглядеть в любом случае. Кажется, все ждали, что я сама справлюсь со своими проблемами. Странно – есть люди, которым никто не помогает. Такие, как я».

А проблема стояла весьма остро – ее следовало решать в самые ближайшие дни. Иначе... Она вернулась в кухню, где к тому времени остался один Дольфик, раскрыла свою сумку и еще раз перечитала расписку. Глупо было ожидать, что в

тексте что-то изменится. Там все было обозначено предельно ясно. Девять тысяч долларов, занятые на ее имя, под проценты. Божеские проценты – всего пять в месяц, считая со следующего воскресенья. И она ведь точно знала, что эти девять тысяч у Василия есть, и даже не девять, а намного больше. Свояк копил деньги, чтобы заменить свою старую машину на иномарку. Но она хотела взять только свое – треть стоимости дачи, ее нынешней реальной стоимости. Все документы в порядке, сделка могла быть оформлена еще на неделе. Но... Что теперь?

«То, что называется „форс-мажор“, – подумала Алина, пряча расписку обратно в бумажник. – Независящие от меня обстоятельства. Но я вовсе не собираюсь платить проценты, никогда не собиралась! Значит, завтра же поговорю с Василием, и мне все равно, как я буду при этом выглядеть!»

Она поднялась на второй этаж и попросила Марину выдать ей постельное белье. Ночь прошла спокойно – сестер никто не потревожил. А утром, около восьми часов, за воротами приветственно загудела подъехавшая машина.

Глава 2

Стукнула калитка, захрустел крупный гравий – все ближе и ближе. Алина выбралась из постели и выглянула в окно мансарды. Так и есть, вернулся свояк. Она проверила, все ли пуговицы застегнуты на пижаме, обулась и спустилась вниз. Василий тем временем уже стучал в дверь – она оказалась на запоре.

Алина отперла замок, удивившись про себя, что Марина так и не проснулась, и Дольфик не слышал приближения хозяина. Василий, увидев вместо жены свояченицу, несколько растерялся.

– Привет, – Алина посторонилась, пропуская его в кухню, и включила плиту. – Будешь кофе? Я только встала, мне нужно ехать в город.

Василий поздоровался и присел к столу. Держался он как-то отчужденно, как будто зашел в гости, а не к себе домой.

– Марина спит? – спросил он. – А дети?

– Дети в Москве, а она... Сейчас встанет, наверное, – Алина мотнула головой в сторону двери, ведущей в следующую комнату. – Я хочу тебя кое о чем предупредить...

Она поставила перед ним кружку с кофе. Василий поднял на нее глаза и тут же отвел взгляд. Алина давно заметила, что он просто не может встречаться с ней глазами. Марина уверяла сестру, что тот просто стесняется. Алина считала иначе

– она никогда не могла скрыть своего отношения к человеку, и если не высказывалась вслух, то все выражала взглядом. Возможно, поэтому у нее было так мало друзей.

– У нас тут неприятности, – Алина налила себе кофе и отошла к окну, выглянула в сад. Дольфика и там не было. Непостижимо, где он, почему до сих пор не подал голоса?

– Дети? – немедленно откликнулся Василий, поднимаясь из-за стола.

– Нет, они здоровы. А вот Марина... На нее в пятницу, вечером, напал на улице какой-то подонок и едва не задушил. Ей срочно нужно лечь в больницу. Но она почему-то решила дожидаться тебя, – на этот раз Алина взглянула на него в упор. – Она же шагу без твоего согласия не сделает. Так что иди, буди ее.

Василий, вероятно, решил, что свояченица над ним издевается. Во всяком случае, услышав страшную новость, он ничуть не испугался. До него дошел только смысл попрека. Он бросил, что ни черта не понял, и ушел в комнату. Его тяжелые шаги удалились, скрипнула дверь веранды. Потом Алина услышала, что он взбирается по лестнице в мансарду.

– Ее нет?! – крикнула она, ставя кружку на подоконник.

Василий не ответил – теперь заскрипел потолок у нее над головой. Он ходил по мансарде, но она не слышала ни его голоса, ни голоса Марины, ни собачьего лая. «А ведь их тут и впрямь нет! – сообразила Алина. – Она бы первая была внизу, не говоря уж о собаке! С ума сошла?! Сбежала? Ушла

к соседям? Ночью стало плохо, а я проспала... Может, ее увезли в больницу?!»

Она побежала вверх по лестнице и столкнулась с Василием на верхних ступеньках – тот как раз собирался спускаться.

– Ее нет? – выпалила Алина. – Надо спросить у соседки, может, та видела?

Свояк был мрачнее тучи. Он нарочито ее не замечал, явно решив разобраться во всем самостоятельно. И Алина поймала себя на мысли, что начинает его бояться. Что он может натворить, впад во гнев, – она видела на примере сестры. А они тут совершенно одни. Только глухая соседка за стенкой... А если он припомнит ей разбитый стул и резкие слова?

Но Василий всего-навсего отодвинул ее – надо признать, довольно осторожно, чтобы расчистить себе путь вниз, на кухню. Она помедлила, рассматривая его стриженный русый затылок, и, поколебавшись, спустилась следом.

– Короче, так! – отрывисто произнес он, останавливаясь посреди кухни. – Мне все равно, что вы тут напридумывали, ясно? Мне нужна правда.

Роковые слова – Алина их уже знала. Обычно, сразу после того, как Василию становилась нужна правда, он принимался избивать жену. На этот раз жены под рукой не было.

– Я приехала вчера сюда, а Маринка была в ужасном состоянии, – Алина едва узнала свой голос – он прозвучал как-то жалобно. – Ее кто-то так избил!

– Ага, – так же невыразительно произнес он. – Кто?

– Она не знает.

– Как это?

– Было темно, она даже описать не может того парня. Это случилось тут на углу, а соседи говорят, что ничего не слышали. А ведь она кричала. У нее теперь на шее следы от удавки.

Василий нахмурился:

– Да ты что? Серьезно, что ли?

– Абсолютно, – Алина махнула рукой и присела к столу. – Только ты не поверишь, пока сам не увидишь. Я думаю, что она просто не выдержала до утра и уехала в больницу. Нужно посмотреть, нет ли где записки?

Но записки нигде не было. Баба Люба, которая как раз выбралась во двор покормить кур, также не смогла прояснить ситуацию. И неудивительно – если Марина и уехала, то глухой ночью, а в это время соседка никогда из дома не выглядывала.

– А почему она мне ничего не сообщила? – Василий двинулся к машине, явно собираясь продолжать поиски самостоятельно. – Когда это было? В пятницу? У нее же был мой телефон!

– Ну да, только она не хотела тебя пугать! – Алина выбежала за ворота и только тут сообразила, что до сих пор разгуливает в пижаме и тапочках. Правда, деревенская улица видала и не такое, но ехать в таком виде в Москву было немыс-

лимо. – Погоди, я с тобой! Мне же на работу! Пять минут!

Пять минут растянулись в пятнадцать – она наскоро оделась, захватила свою сумку, перекрыла газ, отключила колонку, сделала два глотка уже остывшего кофе. И еще раз убедилась, что никакой записки Марина не оставляла. Исчезла куда-то посреди ночи, прихватив за компанию собаку. Собаку! «Значит, поехала не в больницу, – лихорадочно соображала Алина, запирая входную дверь. – Куда же она поехала с собакой? К родителям? Но почему не разбудила меня? Явно умотала на рассвете, когда пошли первые электрички! Сумасшедшая!»

– Дай телефон, – попросила она Василия, усаживаясь в машину. – Он у тебя включен?

Тот молча протянул ей трубку, и она позвонила сперва домой к сестре. Там никто не ответил. Потом она набрала номер родителей, попутно соображая, как бы не очень их напугать.

Трубку взяла мама и очень удивилась, услышав в такую рань голос младшей дочери.

– Марина не приезжала? – спросила Алина. – Странно, она уехала с дачи, я думала... Ну ладно. Если сейчас приедет – перезвоните Васе на сотовый.

Та обещала перезвонить, но взамен пожелала узнать: что случилось? Алина отговорила тем, что очень плохо ее слышит, и дала отбой.

– И у мамы ее нет, – сказала она, кладя трубку под ветро-

вое стекло.

Василий наконец разомкнул губы и спросил – правда ли то, что она ему рассказала? Все было именно так? Она ничего не скрывает?

– К сожалению, все правда, – хмуро откликнулась она. – И я очень за нее боюсь. А ты что думал – мы сговорились и врем тебе? Только вот зачем?

– Откуда я знаю.

Она отвернулась и стала смотреть в окно. Через несколько минут Василий снова подал голос. Он сообщил, что для него не новость – Алина только и мечтает их с Маринкой развести. И откуда ему знать – вдруг она воспользовалась его командировкой и заморочила сестре голову? А теперь заметает следы.

Алина изумленно на него взглянула:

– Вас развести? Очень нужно! Да это и невозможно!

– Наконец поняла! – удовлетворенно ответил он.

Но тут Алина не выдержала и взорвалась. Ей уже было все равно – где она находится, с какой скоростью едет машина и не выбросят ли ее сейчас на обочину. Она заявила, что ей очень жаль, что сестра так упорно желает сохранить свой брак, потому что теперь она еще раз убедилась – Василию на жену наплевать! Из всей этой истории его взволновало только одно – то, что жена могла от него сбежать! А в каком она сейчас состоянии, что с ней произошло – не так уж важно!

– Уж лучше бы ее придушили! – в сердцах выкрикнула

она. – Тогда бы ты перестал ее ревновать к каждому столбу!

Василий только чуть сбавил скорость, выслушивая ее гневные выкрики. А потом, чуть помедлив, пообещал во всем разобраться. Но уж, конечно, не с Алиной.

– Ни с того ни с сего человека не душат, – сказал он. – Тут что-то не то.

– Да я сама видела следы у нее на шее!

– Да мало ли что у нее на шее! – Он тоже заметно повысил голос. – Ее ограбили?

– Нет...

– Ну так она тебе наврала! Если ты тоже мне не врешь... – И он вцепился в баранку так, будто хотел вырвать ее с корнем.

И Алина вдруг притихла. Ей впервые пришло на ум, что Марина могла говорить неправду. Нет, сам факт, что у нее на шее была захлестнута удавка, скрыть было невозможно и спутать не с чем. Но это ночное нападение? Бесцельное, совершенно необъяснимое? Орудовал маньяк? На деревенской улице, в полночь, кто-то поджидал проходящую мимо молодую одинокую женщину? «Если это был маньяк – странное он выбрал место, – подумала девушка. – В городе куда легче и напасть, и скрыться. Так что? Он ждал именно ее? Выследил, что Марины нет дома, сообразил, что она должна вернуться к детям, и бродил по улице, пока не дождался? А стоило ей повысить голос – испугался и удрал? Нет, Василий прав... Он сволочь, но он прав. Тут что-то не так. Она где-

то приврала, что-то скрyla...»

А вот это уже очень было похоже на правду. Марина не была отъявленной фантазеркой, но за годы супружеской жизни научилась сочинять различные истории, покрывая крутой нрав своего мужа. То она ударилась о дверцу шкафа, то на нее с антресолей упала коробка, то она сломала каблук и упала на лестнице... Годы шли, и ее истории становились все более занимательными. Но при этом – все менее правдоподобными. Им уже никто не верил – даже родители, долгое время не желавшие верить, что зять ведет себя подобным образом, сразу понимали, в чем дело.

Марина и на это раз вполне могла выдумать подобную историю. Потому и соседи на углу утверждали, что не слышали ее крика около полуночи. И никто ничего не видел. Рассыпанные на дороге продукты, которые помогла собрать баба Люба... Это – доказательство правды или нет? Алина прикинула про себя, сколько эти продукты должны были проваляться на улице. Почти всю ночь! И пропал только батон колбасы? «Могло быть и так, но она вполне могла разбросать их там прямо перед тем, как позвать на помощь бабу Любу. А дети? Проспали всю ночь, не слышали, как мама вернулась домой, а ведь она ползла на четвереньках! И Дольфик не залаял, когда она явилась в таком состоянии? Он бы обязательно подал голос и перебудил детей, они ведь ждали мать. Особенно девочка – она всегда переживает, когда Маринки нет, плохо спит... Тогда... Что?»

А тогда получалось, что история выдумана – от начала до конца. И не было никакого маньяка на улице. Если на сестру напали, то в другом месте, возможно, в другое время... А если... Алина искоса взглянула на Василия – тот вел машину с каменным лицом, глубоко уйдя в свои мысли. «Нет, он не мог ее так отделать, тем более что находился в другой области... Он никогда не доходил до такого зверства! Пара синяков – это он может... Но... Вдруг ей надоели эти ссоры и синяки и она сама решила покончить со всем этим? Могло такое случиться? Скажем, выпила лишнего – я-то знаю, она в последнее время стала прикладываться к бутылочке. Нечему удивляться – нужно же ей как-то расслабиться. Выпила, стала размышлять, до чего себя довела. Сообразила, что муж скорее изуродует ее, чем добровольно пойдет на развод. Да она никогда и не решилась бы на такой шаг – сказать, что хочет от него уйти. Ну и... Взяла веревку и где-нибудь в мансарде... Там есть подходящая балка. А потом захотела жить, сумела вырваться из петли. Только вот следы уже не скроешь... И тогда, опять же из-за мужа, а может, из-за всех нас, чтобы не ругали, она выдумала историю с маньяком... Идеальный маньяк – никаких примет, не издал ни звука, бросил ее и удрал. И ни одна душа его не видала!»

Ей стало жарко от волнения. Теперь Алина была уверена – все было именно так. Или почти так. Когда она встретится с сестрой, уж как-нибудь сумеет узнать правду. Но при одном условии – Василий при их разговоре присутствовать

не должен. «Может, она потому и сбежала, что поняла – все это неправдоподобно! Он, например, сразу не поверил! А до меня только сейчас доходит... Она испугалась и удрала. К маме? Но в таком случае, пора бы ей там оказаться!»

Она опять позвонила родителям. На этот раз трубку взял отец. Марина к ним не приезжала, и они уже всерьез волновались – куда подевалась старшая дочь? Сперва ни с того ни с сего привезла им детей, теперь сама вдруг уехала с дачи... Если она, Алина, что-нибудь понимает – пусть немедленно объяснит!

– Пап, я и сама не знаю, куда она поехала, – ответила она, стараясь не смотреть в сторону Василия. Она видела – все эти разговоры очень ему не по душе, и ужасалась – что ждет Марину, когда муж все-таки ее найдет! Алина сообщила, что сейчас едет на работу, но будет весь день звонить – пока не объявится сестра. Но по всем расчетам, она должна приехать с минуты на минуту.

– Она взяла с собой Дольфика, – сообщила Алина. – Значит, поехала к вам.

– Это почему? – переспросил Василий, когда разговор был окончен.

– Да куда же она могла поехать с собакой? Только к себе домой или к детям. А они у мамы.

Он кивнул, но Алина была не уверена в том, что его убедила. Во всяком случае Василий не стал ей возражать. Было видно, что и этот разговор, и ее общество ему в тягость.

Машина уже въехала в город. Она едва дождалась момента, когда за окном мелькнула первая попавшаяся станция метро, и попросила остановиться – дальше доберется сама. Алина предпочитала опоздать на работу, чем терпеть общество свояка лишние полчаса. Родственники не прощались – она просто вышла и захлопнула дверцу машины.

* * *

К полудню она уже знала точно – это один из самых нескладных дней в ее жизни. То, что это, вдобавок ко всему, был понедельник, оказалось самым меньшим злом. Во-первых, она опоздала намного больше, чем думала. Успела как раз к середине рабочего совещания, в кабинете у главного художника. На нее посмотрели косо, но ничего не сказали, когда Алина, запыхавшись, пристроилась с краю длинного стола. Через несколько минут, когда дошло дело до ее вопроса, оказалось, что папка с нужными эскизами заперта у нее в сейфе, в рабочем кабинете. А ключ? Ключ в сумке. А сумка? – В машине... – убито протянула она, осознав наконец, что случилось. – В машине у свояка, он вез меня утром с дачи...

И это прозвучало так глупо и беспомощно, что к концу совещания она окончательно решила увольняться, чтобы не усугублять своего позора. Если еще несколько дней назад она раздумывала – не совмещать ли ей две работы, то теперь

стало ясно – она может рассчитывать только на одну. Причем – на новую, прибылей пока не гарантирующую. Под которую, собственно, она и занимала деньги. Из-за которой и собиралась требовать свою долю в загородном доме.

Из-за всех этих переживаний она позвонила родителям позже, чем собиралась, – только к концу рабочего дня. С трепетом узнала, что Марина так и не явилась. Никаких известий от старшей сестры не было. Дети понятия не имеют, что с мамой происходит нечто неладное – они благополучно играют во дворе. Дети попросту решили, что они надоели матери и она решила от них отдохнуть.

– Главное, чтобы они отцу своему такого не сказали, – испугалась Алина. – А то он...

– Сама знаю, – ответила мать. – Он ведь уже к нам заезжал, спрашивал, как мы тут проживаем. Про Маринку, кстати – ни слова. Гордый! Ну он ей вкатит... Господи, когда же они перестанут собачиться, заживут как люди! Ведь если бы не эти скандалы – была бы просто великолепная пара!

Мама нервничала, но не слишком. «Просто не видала Маринку без очков, – вздохнула про себя Алина. – Иначе бы сошла с ума».

– Мою сумку Вася не оставлял? Я ее забыла у него в машине.

Никакой сумки Василий в квартиру не заносил. Скорее всего, просто до сих пор не обратил на нее внимания. Алина занервничала еще больше – ведь там было все, вплоть до

ключей от съемной квартиры. Как она попадет домой? И на какие шиши будет туда добираться? Карточка на метро была использована полностью этим утром – она сразу ее выбросила. Девушка всегда носила карточку в кармане пиджака, чтобы не рыться в сумке, где был вечный беспорядок. Потому и не сразу хватилась пропажи. А теперь в карманах осталась только мелочь, на общую сумму не больше рубля, да погнутая заколка для волос. И все.

Пришлось звонить Василию на сотовый. Аппарат оказался отключен. Других координат свояка у нее просто не было. Домашний телефон сестры не отвечал. Алина понемногу закипала – только уже не понимала, на кого именно злиться – на других или на себя. В конце концов, пришлось занять десять рублей у сотрудницы, сидевшей с ней в одном кабинете. Больше она просить не решилась – отношения были не те... Эти десять рублей ей протянули с таким презрительным видом, что она твердо решила – уволюсь!

Алине с детства твердили, что у нее неуживчивый характер. Так это было или нет, но она точно знала одно: с начальством ей ладить не удастся. После того как она закончила институт декоративно-прикладного искусства, получив престижный диплом дизайнера по тканям, ей пришлось сменить около восьми мест работы. Всего за несколько лет! Впрочем, ей до сих пор ни разу не удавалось поработать по своей прямой специальности. Чем только не приходилось заниматься! Даже этикетками. Даже флажками. Даже канцелярской ра-

ботой в крупной иностранной фирме – она почти полгода проработала, в сущности, секретарем, прежде чем сообразила, что желанного повышения так и не получит и ее попросту надуют.

После кризиса ситуация только усугубилась. Работа по-прежнему была – стоило только поискать. Но зарплаты упали так, что нечего было и думать о том, чтобы на эти деньги снимать квартиру. И вот – удача! Она устроилась на новую фирму, где стала заниматься своим делом – конструированием одежды. Платили немного, но ей хватало. В сущности, все, что ее не устраивало, – это обстановка в коллективе. Здесь работали сплошь женщины, и Алина признавалась себе, что никак не могла вписаться в их сложившуюся компанию. Она оставалась чужой. Если была нужна помощь – ей не помогали. Нужен был совет – она не решалась его попросить, боясь обнаружить свою беспомощность. А если ей случалось просчитаться – с нее спрашивали со всей строгостью, и ей нельзя было даже отговориться семейными проблемами, потому что никакой семьи у нее, в сущности, не было.

Так продолжалось, пока она не подружилась с одной из сотрудниц – женщиной намного старше себя, работавшей в отделе реализации. И та сообщила Алине, что планирует открыть собственное дело. Что эта фирма – просто болото, если они и дальше будут тащиться такими черепашьями темпами, то скоро исчезнут с рынка. А Вероника (она не любила, когда употребляли отчество даже ее подчиненные) давно

успела отладить связи с оптовиками, с поставщиками, знает, как и за что взяться. Ее старая знакомая сейчас открывает в самом центре Москвы ателье. Материал пойдет из Италии – с лучших фабрик, где к концу сезона на распродажах можно недорого купить остатки отрезков. Готовую продукцию будут продавать как в магазине при ателье, так и в лучших магазинах города. Это берет на себя Вероника – торговую сеть она знает насквозь. Швей тоже найдутся – это не проблема. Но также нужен второй дизайнер – часть работы берет на себя сама хозяйка ателье.

Алина, услышав все это, поняла, что такую возможность упускать нельзя. Частное предприятие – минимум начальства. Она будет вторым дизайнером – значит, ее голос будет не самым последним. Она познакомилась с хозяйкой ателье, и та пообещала ее взять, просмотрев предложенные эскизы. Дело было за малым...

Требовалось вложить определенную сумму денег в обустройство ателье. Это давало в будущем право на определенный процент с продаж, помимо зарплаты. А этот процент мог представлять собой немалую сумму, если дела пойдут хорошо. И кроме того, тогда Алина считалась бы уже не простой наемной сотрудницей, а одной из совладелец предприятия.

Когда молодая женщина узнала об этом, ее уже ничто не могло остановить. Она страшно устала ощущать себя чьей-то подчиненной – бесправной, подначальной. В тот же миг ей на память пришла дача. Она разузнала, сколько может стоить

дом с участком в их нынешнем состоянии, высчитала свою законную долю и решила, что вполне может вложить в дело девять тысяч долларов. Все что сверх того – уже от дьявола, ведь пришлось бы попросту ограбить родную сестру, запросив лишнее... А больше денег взять было неоткуда. Родители сводили концы с концами, но жили небогато. Состоятельного друга или жениха у Алины не было. Наследства, кроме уже полученного, ей тоже не светило. И она, сжав зубы, бросилась в эту авантюру – как назвала бы такое предприятие ее мать.

Деньги помогла занять Вероника. Когда девушка писала под ее надзором расписку, ей казалось, что ее заковывают в кандалы. Сердце учащенно билось, но она старалась не выказывать своего волнения. Затягивать было нельзя – ателье уже заканчивали оборудовать, оно должно было заработать в полную силу максимум через месяц. А на то, чтобы поговорить с сестрой и уговорить ее мужа на сделку – требовалось время... Но Алина все-таки рассчитывала получить с них деньги прежде, чем на ее долг начнут насчитывать проценты.

И вот теперь происходило нечто совершенно несуразное. Со свояком, с которым так нужно было наладить отношения, она опять поссорилась. Сестра – неизвестно где и в каком состоянии. И вообще, что происходит? «Даже ключей от дома нет, – посетовала про себя Алина, в последний раз за день пытаясь дозвониться Василию. – А этот псих не берет труб-

ку. Нарочно, что ли? Где он пропадает? Уверена – рыщет по всему городу, ищет Маринку. Ну и она хороша! Сплести такую глупую историю с маньяком! Уж мне-то могла бы сказать правду! И спрятаться она могла бы у меня – я бы ни за что не выдала ее Ваське... Идиотка! Просто трусливая идиотка!»

Уходя со службы, она еще раз позвонила маме. Появились кое-какие новости: Марина не нашлась, зато опять приезжал Василий, забросил Алинину сумку, был очень мрачен и ничего толком не сказал. Только выдал деньги на расходы – ведь у бабушки с дедушкой теперь поселились его дети. Василий всегда очень щепетильно относился к денежным вопросам, это и поддерживало Алину в ее решении потребовать свою часть дома.

– А он не обещал заехать еще? – поинтересовалась та.

– Да он и двух слов не сказал, опять исчез, – волновалась мама. Она наконец поняла, что происходит нечто серьезное. – На нем просто лица не было. Да! Отец поехал с ним, не знаю уж куда. Надеюсь, когда они ее найдут, Васька при нем будет вести себя потише.

– А я не надеюсь. Ладно, – проворчала Алина в трубку. – Еду к вам. Мне нужны мои ключи.

Она приехала почти через час – пришлось добираться через половину города. Мать усаживала ее ужинать, но Алина отказалась. Дети как раз подчищали свои тарелки, и на маленькой кухоньке было тесно. Алина потребовала свою сум-

ку и прежде всего проверила, все ли на месте. Вором она свояка не считала, но знала его привычку рыться в сумке старшей сестры. Сколько раз скандал начинался из-за чьей-то визитной карточки, сигарет новой марки (значит, чужих!), неизвестно куда потраченных денег, новой помады (чтобы кому-то нравиться!).

Ее собственные сигареты, помада, деньги и визитные карточки оказались на своих местах. Так же, как и солнечные очки, сложенный зонтик и разбухший истрепанный ежедневник. Как и расписка, которая уже всерьез начинала тревожить Алину... Сложенная бумажка лежала в отдельном карманчике, надежно закрытом на молнию. Ключи тоже были на месте. Из сумки ничего не исчезло. Напротив – там кое-что добавилось.

Она в жизни не имела дела с оружием, но сразу поняла, что пистолет – настоящий. Он спокойно лежал в углу объемистой сумки, под скомканным шейным платком, который Алина, неизвестно зачем, таскала с собой уже больше года. Черный, тяжелый, какой-то скользкий на ощупь, будто чуть сальный. Едва взяв его в руку, она тут же разжала пальцы. Пистолет упал на место, его никто, кроме нее, не успел увидеть. Дети были на кухне, мама в это время переключала каналы телевизора и, не оборачиваясь, осуждала Марину за безответственное поведение. Потом она сообразила, что младшая дочь слишком долго молчит, и крикнула в коридор: – Аля! Ты еще здесь?

– Да, – замороженным голосом отозвалась та. – Я еще здесь.

– Ты что – не слышишь, что я тебе говорю? Маринка не рассказывала – они перед его отъездом не ссорились?

Алина застегнула сумку и осторожно повесила ее на плечо. Заглянула в комнату и сказала, что насколько ей известно – Марина на мужа обижена не была.

– Она же вообще на него не обижается! Бьет – значит любит.

– Да, – расстроенно отозвалась мать. – Но такое она отколола впервые. Это же надо – попросту сбежала и адреса не оставила! А может, все-таки ссорились, а она тебе не сказала?

Алина согласилась, что это очень может быть. Попрошлась, пообещала звонить и ушла.

В метро, присев на скамейку в начале платформы, она еще раз обдумала положение. Точнее, попыталась обдумать. Мысли шли врозь – как будто она впервые спускалась с горы на длинных лыжах. Но самой неприятной была мысль о пистолете. «Не сам же он попал в сумку! – Алина приоткрыла застежку и украдкой заглянула вовнутрь. Сдвинула платок. Да, это не галлюцинация, оружие лежало на дне сумки. – И я его туда не клала. Тогда – кто? Василий?»

Но если это сделал свояк – оставалось предположить, что он окончательно сошел с ума. С какой стати он сделал ей подобный подарок? А больше некому – сумка весь день проез-

дила с ним в машине. Но... Откуда у него пистолет? Он не был ни охотником, ни охранником, и насколько знала Алина, никогда не выражал желания иметь оружие. Иначе она бы еще больше беспокоилась за свою старшую сестру.

«А может, пистолет не настоящий? – мелькнула спасительная мысль. – Вдруг это Илюхина игрушка? Сунул мне в сумку, чтобы подшутить?» Но она тут же приказала себе не обманываться. Если игрушки дошли до такого технического совершенства – значит, детям скоро станет доступно ядерное оружие. «Да и племянник изрядный жмот, сроду никаких подарков мне не делал! И уж во всяком случае, вылез бы из кухни посмотреть, как „тетя Аля“ испугалась... А он спокойно ел».

Мимо проходила одна электричка за другой, а она никак не могла решить – в какую сторону ехать? К себе домой? Принять ванну, посмотреть вечерние новости, лечь спать? Попробовать хотя бы на ночь отключиться от сумбурных мыслей и тревог этого долгого дня? Или отправиться на квартиру к сестре? А вдруг они все уже там – и Марина, и Василий, и отец?

Алина выбрала второе.

Но застала дома одного Василия. Он отпер торопливо, чуть ли не сразу после того, как она нажала на кнопку звонка. Но, увидев ее, сразу погас. Она немедленно поняла – Марина не вернулась. Это ее он ждал с таким нетерпением, это ей он так... Да, обрадовался.

– Можно? – спросила она, выразительно поправляя на плече ремень сумки. Но этот жест не произвел на него ни малейшего впечатления. Свояк чуть отступил, пропустив ее в квартиру, и выглянул на лестницу, будто ожидая увидеть там кого-то еще.

– Папа здесь? – спросила она, заглядывая в кухню. На плите стоял чайник, рядом в чугунной сковородке под крышкой постреливало масло. Василий явно собирался поужинать.

– Он дома, я его только что завез, – хмуро бросил тот, прикрывая входную дверь.

– А значит, мы разминулись. Я тоже там была. – И, встретив его взгляд, Алина отрывисто спросила: – Ну и как?

– Ничего.

Девушка видела, как он зол и измучен, и почти жалела его. И в то же время радовалась за сестру – объявись она сейчас, трепки просто не избежать.

– И собаки тоже нет? – глуповато уточнила она.

Василий тяжело на нее взглянул, будто не сомневался – свояченица над ним насмехается. Алина сразу осеклась:

– Прости, только я... Никак не пойму, куда она поехала с собакой. Ей бы, конечно, надо в больницу, но Дольфик...

– А отец говорит – когда она в субботу привезла с дачи детей, выглядела совершенно нормально, – оборвал Василий ее извинения.

– Папа? Ты что – все ему сказал?

– А надо было молчать?

«Ну все, значит, теперь и мама знает, что Маринку пытались задушить... О, что там сейчас делается! Допрашивают детей. А те? Маринка уверяет, что, когда на нее напали, дети ничего не поняли, а она не хотела их пугать. Сейчас выяснилось, что я все знала и весь день молчала... Как я теперь туда покажусь?»

– Незачем было говорить про нападение, – бросила она. – Они испугаются, а сделать все равно ничего не смогут.

– Будут лучше ее искать, – так же отрывисто ответил он.

– Они?! Где же они будут искать?!

– А мало ли! Откуда я знаю, вдруг вы все сговорились!

В его голосе неожиданно прозвучала надрывная истерическая нотка. Он снял крышку со сковороды и отпрянул – оттуда яростно взлетели масляные брызги. Алина тоже отскочила, хотя стояла у двери. Блинчики, которые пытался разогреть Василий, были безнадежно сожжены – кухню наполнил горький голубой дым.

– Это из-за тебя! – рявкнул он, пытаясь отодрать пригоревшие блинчики лопаткой.

– Ну конечно, – бросила Алина. – И вообще, я во всем виновата. И все мы сговорились и спрятали Маринку у нас в подвале. С Дольфиком на пару. А папа ездил с тобою весь вечер для отвода глаз. Куда это вы ездили, кстати?

Василий наконец сообразил выключить газ под сковородкой. Крышка с лязгом легла обратно, он распахнул холодильник... Конечно, там было пусто – летом в квартире практи-

чески не жили, все продукты отвозились на дачу.

– Не понимаю, – сквозь зубы бросил он. – Если она решила уйти – неужели нельзя было сказать по-человечески?

– Кому – тебе? Я спросила – где вы ее искали?

– Везде! Всю вашу родню объездили!

– А твою?

– Своей я сам занимался... – Он злился все больше – вероятно, от голода. – Вот только не изображай, что это для тебя новость! Она где-то еще! У какой-нибудь твоей подружки, а может, вообще у тебя!

Алина прижала к бедру сумку – она вспомнила, из-за чего, собственно, приехала.

– Кстати, ты же мог проверить, у меня она или нет, – дружелюбно напомнила она. – Моя сумка весь день была у тебя в машине. А там – ключи.

– Я в твоей сумке не рылся, – оскорбленно заявил он. – Вообще, как ты со мной разговариваешь? Ты кем меня считаешь? Это тебе Маринка наговорила? Понятно... Теперь все понятно!

– Не рылся? – удивилась Алина. – А это откуда?

И она извлекла из сумки пистолет. Девушка держала его неловко и осторожно, так как не знала, заряжен он или нет. Кроме того, ей смутно вспоминалось нечто насчет предохранителя – если он снят, эта штука может выстрелить и сама... Или не может? Во всяком случае, пока пистолет вел себя очень мило и своей агрессивности никак не проявлял.

Василий замер. Его взгляд сделался неожиданно серьезным и спокойным. Он смотрел на пистолет в ее руке, и девушка понимала – он тоже видит, что эта штука – настоящая.

– Это у тебя откуда? – осторожно, будто ненормальную, спросил он.

– Да от тебя, я думаю. Они же сами собой не рождаются, верно?

– Первый раз вижу, – мужчина, как зачарованный, смотрел на оружие. – Ей-богу... Аля, ты бы его так не держала, все-таки может выстрелить... У тебя палец на спусковом крючке...

Она испугалась – то ли того, что он сказал про палец, то ли от неожиданно ласкового обращения. Переложила пистолет в другую руку. Он был тяжелый – правая рука даже затекла, пока Алина держала его на весу.

– Мне просто было так удобней, – пояснила она. – Я даже не знаю, куда жать. Так скажешь – это не твой подарочек?

– Чем хочешь клянусь, – все так же отдельно и серьезно произнес свояк, – Маринкой, детьми... Чем хочешь. Первый раз его вижу.

Алина поколебалась и медленно опустила пистолет обратно в сумку. Она сама не знала – верила или нет этому заявлению. Если не верить – значит, свояк точно сошел с ума или затеял какую-то игру, подсунув ей пистолет и теперь отрекаясь от него. Однако он испугался... Да и потом, что он – дурак, дарить пистолет свояченице, которая уже однажды

запустила в него стулом?!

— А тогда кто его сунул? — спросила Алина, ни к кому конкретно не обращаясь. — Вчера вечером, когда я собиралась на дачу, я не взяла с собой ни одного из своих пистолетов.

— Ага... — медленно произнес он. — Стало быть, тебе его на даче подсунули? Маринка?

«Или баба Люба, — пришла ей в голову абсурдная мысль. — Бог ты мой, а кто еще? Ну, могла еще постараться мама или мои племянники... Сумка была у них дома какое-то время... Папа не мог, он сразу уехал. Да о чем я думаю?!» Она вдруг поняла, что находится в квартире — один на один — с самым настоящим маньяком. С насквозь сумасшедшим типом, свихнувшимся на почве ревности, который сейчас попросту заговаривает ей зубы, а она его слушает. Мама, Маринка, дети?! Никто из них никогда не прикасался к оружию!

Глава 3

«Надо аккуратненько попрощаться и уйти, – подумала она, очень жалея, что убрала оружие в сумку. – Чтобы он не возбудился и не кинулся меня душить... А если... Если это все-таки он душил Маринку? Мало ли, что был в командировке – никто же точно не знает, когда он вернулся! Вдруг все произошло у них в доме, на даче? Приехал, не разбудив детей, дождался жены, вышла сцена, он на нее набросился с удавкой... И сбежал. А она сперва решила все скрыть, а потом, накануне его приезда, испугалась и сама удрала? Тогда все сходится!»

– Мне пора, – спокойно произнесла она, делая шаг к двери. Точнее – пятясь, потому что Алина не решалась выпускать свояка из поля зрения.

В эту секунду в прихожей зазвонил телефон. Василий бросился к нему и схватил трубку, сильно толкнув при этом девушку плечом. Та пошатнулась и ухватилась за косяк. У нее мелькнула мысль, что сейчас очень удобный момент удрать – путь к двери открыт. Но ее остановило то, что говорил Василий. Он держал трубку и почти кричал в нее:

– Ты где? Я тебя спрашиваю, куда ты пропала? Что? У кого?

Алина замерла. Она поняла – звонившая была не кем иным, как ее сестрой. Василий приходил все в большее воз-

буждение. Теперь он уже по-настоящему орал:

– Что – с ума сошла?! Окончательно, да?! Мне тут про тебя уже рассказали... Да, все! Они все думают, что ты в больнице...

– Дай трубку, – попросила Алина, но он ее просто не услышал.

– Повтори, что ты сказала?! – Его голос возвысился еще больше и тут же опал. Василий замер с трубкой, прижатой к уху, и только слегка шевелил губами, будто повторял то, что ему в данный момент говорили. И вдруг отнял трубку, недоуменно на нее посмотрел и положил на место.

– Ты что?! – Алина, забыв о своих страхах, подскочила к нему. – Я же просила – дай мне с ней поговорить!

– Она сама бросила трубку, – растерянно произнес он.

– Что сказала Маринка? Где она?

– Сказала – чтобы мы ее не искали, что с ней все в порядке, – будто не веря своим словам, медленно и отдельно произнес он. – И чтобы я...

Он замолчал. Алина нетерпеливо потрянула его за локоть:

– Ну что?!

– Денег достал.

Девушка нахмурилась. Что это – шутка? Вряд ли. Василий вообще не умел шутить. И уж во всяком случае не с деньгами.

– На лечение? – уточнила она, пытаясь нащупать хоть какую-то основу во всем этом хаосе. – Маринка в больнице?

– Вроде бы нет... Она не сказала, зачем деньги. Только сказала, чтобы я поторопился, а то никогда ее больше не увижу. И бросила трубку.

– Деньги? – Алина никак не могла осознать услышанное. – Что – ее похитили?! Маринку?! С собакой?! Да чушь какая, ты что-то не так услышал, не понял...

– Я слышал все прекрасно, – отрезал он. – Она сказала – достань денег, все долги собери, нам кое-кто должен, а если сможешь – продай машину.

– О, боже... – будто во сне, откликнулась Алина. – А сколько ей нужно?

– Чем больше, тем лучше. Это ее точные слова, – уточнил он и посмотрел на Алину самым растерянным взглядом, какой ей когда-либо приходилось видеть. – Это что же такое происходит, а? Ее что – украли?!

– А она ничего не объяснила?

Но Василий утверждал, что его жена не дала никаких объяснений своей странной просьбе. Только потребовала, чтобы он достал как можно большую сумму денег. И как можно быстрее. Голос был не испуганный, вполне нормальный. Только...

– Она говорила так быстро, будто спешила... А меня совсем не слушала, – закончил он.

Телефон зазвонил опять. Они оба сделали попытку схватить трубку, но победила Алина. Она ожидала, что это перезванивает сестра – нельзя же, в самом деле, обрывать разго-

вор на такой ноте... Но звонила их мать. Она была в истерике – а поняв, что говорит с Алиной, зашла еще пуще:

– Что же ты мне ничего не сказала! Кто на нее напал? Почему?!

– Ой, мама, а мне откуда знать... – начала было девушка, но мать перебила:

– А вот сейчас Маринка нам звонит и просит, чтобы мы достали денег! Я ей – где ты, что случилось? А она – достань-те денег, а я потом перезвоню!

Алина не выдержала и ткнула трубку свояку:

– На, убедись, что мы не сговаривались! Маринка и от них требует того же самого!

Пока Василий разговаривал с ее матерью, она нервно расхаживала по квартире. У комнат был летний, нежилой вид – экран телевизора покрылся пылью, с постелей снято белье, люстра в спальне закутана обрывком простыни... Девушка устало присела на край двуспальной кровати.

«С ней что-то случилось, что-то серьезное, а она не хочет говорить! – Алина покусывала нижнюю губу, прислушиваясь к голосу Василия. Он говорил негромко, но тревожно. И не впадал в истерику – явно что-то обсуждал. – Сперва это нападение, без причин, без свидетелей, потом потребовались деньги... Да, нападение точно было. Кто напал – неясно, только вот сама она не вешалась! Как я могла такое вообразить? Маринка не такой человек. Набожная, тихая, все на свете несет и еще скажет, что жизнь хороша... Нет, она

никогда не наложила бы на себя руки. Да еще при двоих-то детях! Она же трясется над ними. И это вряд ли сделал Василий. Иначе – почему она обращается к нему за помощью? И звонок этот он не выдумал – Маринка и нашим звонила... Подряд – сперва, видно, нам, потом – им. Два разговора, по две-три минуты, не больше. Как будто кто-то разрешил ей позвонить. Тот, кто напал? Тот маньяк?»

Но само это слово никак не вязалось в ее сознании со старшей сестрой. Марина – и маньяк? Чем могла привлечь маньяка ее сестра? Она никогда не считалась красавицей – в лучшем случае, ее можно было назвать привлекательной. Да и то, когда у нее хватало времени сделать прическу, подкрасить в «платину» свои волосы, часто рыжевшие у корней, наложить макияж... Когда-то, еще до замужества, и в первое время после него, Марина была довольно кокетливой. Она любила ярко одеваться, громко смеялась в компаниях, пользовалась исключительно красной помадой. Почему она изменилась? Слишком быстро родила первого ребенка, перестала ходить в гости, работать, растеряла старых друзей, столкнулась с необходимостью считаться с ревнивым супругом?

Алина оглянулась на трюмо. Оно было почти пустым – там стоял только маленький флакончик духов, валялись щетки для волос и бумажные салфетки. Сестра никогда не тратилась на косметику – предпочитала что-то купить детям. «Она до того себя запустила, что выглядела куда старше сво-

их тридцати лет, – подумала Алина. – Никогда не кокетничала на улице, и сколько себя помню – к ней никто не приставал... Нет, сексуальный маньяк – в это я не верю... Хотя вкусы у них бывают разные, но... Во всяком случае, он не стал бы заниматься вымогательством и не дал бы ей позвонить родным. А тут речь идет о деньгах! Не самой же Маринке они понадобились? Получается, она не сбегала с дачи, а ее увезли? А что? Вошли на участок – чего уж проще! В дом попали через веранду, сосед так и не вставил рамы, а Васке вечно некогда, он чужие дома строит... Дольфик, придурок, или не проснулся, или обрадовался гостям. Маринку разбудили, велели не шуметь и увезли. Вот почему нет записки! А она испугалась за меня, вот и не стала поднимать шума, чтобы я не вылезла посмотреть, что случилось. Нужно было спать с нею в одной комнате! Дура я! Но во что же она ввязалась, если пошли такие крутые дела?!»

В спальню заглянул Василий и, увидев свояченицу, молча уселся рядом с нею на край постели. Вдохнул. Она покосилась на него:

– Ну что? Теперь ты нам веришь?

– Не в этом дело, – после паузы ответил он. – Если она просит денег – стало быть, они ей правда нужны. Надо собрать все что можно, а вот кому и как будем платить – это потом решится. Главное, чтобы деньги были наготове!

Алина полностью с ним согласилась и даже подумала, что у Василия есть некоторые достоинства. Во всяком случае, в

трудную минуту он готов позаботиться о жене.

— Я вот подумал... — продолжал он неожиданно искательным тоном, — ты не могла бы занять, сколько сможешь? На короткое время, я быстро отдам!

Она так и подскочила:

— Я?! С ума сошел, да я сама в долгах...

— Ладно-ладно, — досадливо отмахнулся он. — Понял. Я так, на всякий случай спросил. Найду, где одолжиться.

И тут Алина поняла, в какой ситуации оказалась. Деньги были заняты ею без процентов, но на короткий срок, не больше месяца. Она никак не рассчитывала, что раздел дома затянется так надолго. Но этот срок истекал в конце недели. А дальше ей стали бы насчитывать процент...

— Послушай, — нерешительно произнесла она. — Я действительно в очень трудном положении.

Василий едва на нее взглянул. Девушка даже не была уверена, что он ее слышал. Она повысила голос:

— Понимаешь, я хочу уволиться со своей работы... И место там незавидное, и коллектив такой склочный. Мне все равно там долго не продержаться. А сейчас знакомые предлагают войти в дело, создают ателье в центре Москвы...

— Хорошо-хорошо, — рассеянно ответил он.

Алина чуть приободрилась:

— Ну и вот, чтобы это сделать, нужно было заплатить определенную сумму. Чтобы быть там не последним человеком, понимаешь? Какой мне смысл опять идти на твердую зарпла-

ту? Сто раз пробовала, а кончается тем, что или меня увольняют, или я сама ухожу. Хочется какой-то самостоятельности, власти... Ну я и достала денег, но под процент.

Он стал куда внимательней:

– А что – много заняла?

– Девять тысяч...

– Чего?! – ахнул Василий.

– Долларов, не рублей же!

– Ах ты... – только и вымолвил он – не то с испугом, не то с уважением. – А чем расплачиваться будешь?

И она напомнила ему о загородном доме. Много говорить не пришлось – она только упомянула о теткинском завещании, да еще успела сказать, что вовсе не претендует на половину имущества, после всех переделок, которые были сделаны на даче... Она хочет треть. Это будет справедливо.

Василий вскочил:

– Треть?! Чего треть? Ты с ума сошла?

– Меньше я не возьму, – твердо заявила Алина. – Это уже будет грабеж. Я все посчитала, посоветовалась, даже по агентствам ходила, расписывала наш дом, спрашивала, за какую цену его можно продать. Средняя сумма – где-то около двадцати пяти тысяч. Я честно это говорю – никак не больше.

Он задыхался, но ничего не отвечал. Алина, стараясь говорить как можно спокойнее, объяснила, что она прекрасно понимает: девять тысяч – это не треть от двадцати пяти,

умножать еще не разучилась. Но ведь если по закону, то она должна получить половину! А во сколько оценить все переделки, весь ремонт – это никто точно сказать не сможет. Девять тысяч – ее последнее слово.

– Ты нашла время! – наконец выдавил Василий. – Ты хочешь получить девять тысяч с меня?!

– С моей сестры, – отрезала она. – Ты тут каким боком приходишься? Она получила наследство еще до брака, так что оно только ее, больше ничье. Я только предупреждаю – если ты заплатишь, я перепишу на вас свою часть. Будете единственными владельцами. А если не заплатишь – придется продать дом и делить уже деньги. Но тебе, я думаю, это невыгодно. Ты подумай – я дело говорю!

– Как это ты продашь дом, если я не продаю? – поморщился он. – Что – свою часть по бревнам разберешь и вывезешь? А землю как будешь делить? А посадки?

– Зачем же по бревнам разбирать? – Алина тоже встала. – Можно в суд подать, они и поделят.

Он ничего не ответил – видно было, что у Василия перехватило дыхание. Девушка и сама испугалась своих слов. Мысль о разделе имущества через суд еще не приходила ей в голову. Это сказалось само собой, потому что она увидела – Василий упирается.

– Ага, в суд... – Он часто и неровно задышал. – Я всегда знал, что ты стерва!

– Что?!

– Мне Маринка говорила – сестра добрая, хорошая, что вы все время собачитесь! А теперь я вижу, какая ты ей сестра! В суд! Ну подавай, раз совсем совесть потеряла!

Алина растерялась. У нее в голове крутился какой-то бесвязный вихрь. «Суд? Долго, слишком долго, пока то да се, пройдет слишком много времени... Да еще, раз он так настроен, мне нужно будет взять адвоката, а где я возьму денег? Совсем на бобах! А пока суд будет идти, счетчик всюю затикает... Когда мне присудят мою часть – через полгода? Чуть раньше? К тому времени мне не хватит этих денег, чтобы расплатиться с долгом. Набегут проценты. Господи, что же мне делать? Ну, Маринка, подстроила мне подлянку! И почему, почему она прямо ничего не сказала? Зачем выдумала маньяка, ведь не было никакого маньяка, напал кто-то знакомый или нанятый... Если требуют денег, то это началось не вчера и не сегодня! Давно! Она тоже кому-то должна!»

Эта догадка поразила ее как молнией. Она стояла, ослепленная, и не слышала яростного бормотания свояка, который кружил по спальне, то и дело пиная кровать, и твердил, что в жизни не пустит ее на порог. Пусть она выметается, немедленно! Сестра попала в переделку, а ей, Алине, только бы свое урвать!

Она наконец опомнилась:

– Свое урвать, не чужое! Именно, свое! А вот кому твоя жена должна деньги – об этом ты еще не подумал?

– Должна? – остановился он.

– Ну конечно. Все это очень похоже на то, что она занимала крупную сумму, не расплатилась, и вот на нее насаждает кредитор.

– Марина? – с оловянным видом переспросил Василий. – Занимала? Да зачем... На что ей...

Алина покачала головой:

– Ты муж, ты и должен знать. А мне откуда? Я у вас почти и не бывала.

Он молчал, пытаясь осмыслить услышанное. Алина подождала ответа и наконец развела руками:

– Ладно, я вижу, что у тебя сели батарейки. Поеду домой. Скажи только – ты точно не дашь мне девять тысяч? Я бы немедленно подписала дарственную. Хочешь – на Маринку, хочешь, на тебя.

– Не сейчас, – еле вымолвил он.

– До конца недели, – подвела итог Алина. – А с понедельника на мой долг станут начислять проценты. И вот тогда... Тогда, Вася, я потребую уже половину. Потому что трети мне просто не хватит, чтобы расплатиться.

Она сделала шаг к двери, но тут же остановилась:

– А насчет того, чтобы собрать Маринке денег... Я тебе советую выбрать другой способ, чтобы снова ее увидеть. Проще и дешевле. И для нее безопаснее! Обратись в милицию, слышишь?

Он слышал, но не отвечал. Алина покачала головой:

– На нее же нападали, и это зарегистрировано в поселковом отделении... Она мне сама сказала. Ее еще спрашивали – будет она возбуждать уголовное дело, против кого? Она им сказала, что никаких врагов у нее нет, ни на кого и подумать не может. А вот теперь получается, что соврала. Раз уж ее держат где-то взаперти и только разрешают позвонить семье, чтобы собрать денег! Это похищение, шантаж. Этим будут заниматься уже не в поселке, а в Москве. Ты просто обязан заявить!

И так как свояк по-прежнему ничего не отвечал, она пожала плечами и, не прощаясь, вышла.

* * *

О пистолете Алина вспомнила уже дома, разбирая сумку. Раньше эта вещица неимоверно пугала и изумляла ее. Теперь начала раздражать. Она вынула пистолет, бережно обернув его платком, и сунула в ящик стола. «По крайней мере, здесь он сам по себе не выстрелит, – подумала она. – Но и держать его при себе немыслимо! А что – нужно, в самом деле, обратиться в милицию! Уж кто бы мне его ни подкинул – оружие-то не бесхозное, рано или поздно владельца найдут! Ну а если правда, Васька подсунул? Только зачем – понять не могу! Но молчать нельзя. Вдруг он что-то против меня задумал? А теперь наведет на меня милицию? Нужно заявить первой!»

Она прекрасно сознавала, что оружие было подкинута ей либо в машине, либо на даче. Но на даче это могла сделать только ее сестра. Больше в доме никого не было. Кроме... Возможно, кроме того человека (или тех людей), которые увезли ее старшую сестру на рассвете. Но были ли те люди в доме? «Это только догадки, – Алина плотнее задвинула ящик стола. – А мне надоело догадываться».

Девушка решила – завтра же, с утра, она обратится в отделение милиции – по месту своей прописки. Скажет, что ей в сумку подсунули пистолет, опишет все сопутствующие обстоятельства. Если Василий не решается на это сам, что ж, ее дело похлопотать насчет судьбы своей старшей сестры. Иначе – кто же это сделает?

«А на работу не пойду! – мстительно подумала она, забираясь в постель и подальше отодвигая незаведенный будильник. – Проценты или не проценты – а никакого начальства над собой я больше не потерплю! Хочу наконец работать по специальности! Неужели я напрасно стольким для этого пожертвовала?!»

...Старшая сестра иногда обзывала младшую карьеристкой. На что та ядовито замечала, что ей все должны казаться карьеристами – сама-то она никогда толком не работала.

– Дети и дом – это, по-твоему, не работа? – возражала Марина. – Так за день наломаешься, что даже снов не видишь.

– Это работа, но многие и кроме этого что-то делают. А ты – ни черта! Стоило учиться в педагогическом! Для кого

диплом получала – для папы-мамы?

Марина не возражала – только замечала, что в школу она все равно не пойдет, зарплата маленькая, а времени уходит много. А устраиваться на фирму... Как на это взглянет муж? Василий считал, что зарабатывает больше чем достаточно, чтобы содержать свою семью. И все Маринины работы – только для того, чтобы вырваться из дома, из-под его опеки. Она несколько раз устраивалась на работу – когда подросли дети и младшая дочь тоже пошла в школу. Но тут же увольнялась.

– Он у тебя прямо сектант какой-то! – возмущалась Алина.

– Нормальный мужик, – лениво возражала сестра. – Просто нервный. А кто сейчас не нервный? Все такие. Вот ты – да, ты прямо как сектантка – только о работе и думаешь. Что – зарок дала замуж не выходить?

Алина заявляла, что вышла бы замуж уже сто раз, если бы только хотела. Но не хочется, да и не за кого.

– Посмотришь на тебя – и всякое желание пропадает, – призналась она как-то старшей сестре. – Так что это ты виновата, со своим Васькой.

– Просто ты карьеристка! – следовал ответ, и на этом бесплодный спор обычно кончался.

Алина считала, что сестра попросту завидует ей. Еще бы – ведь она сама, своими силами сумела поступить в такой престижный вуз – не чета педагогическому институту! Ма-

рина уверяла, что никакой зависти тут нет – и в самом деле, чему завидовать, если от этого престижного диплома пока не было никакой пользы! Да к тому же учеба была нелегкой и отнимала у Алины все свободное время. Родители сперва ее очень жалели – они считали, что именно из-за этого у дочери до сих пор не появилось жениха. А ведь когда-то у них в семье считалось, что первой замуж непременно выскочит младшая, Алина. Она всегда была эффектней своей старшей сестры. Свои рыжеватые от природы волосы красила в угольно-черный цвет, и от этого ее белая, никогда не загоравшая кожа и голубые глаза приобретали какой-то экзотический, резковатый вид. Одевалась эффектно. Наряды придумывала и шила сама – и всегда была уверена, что никто в Москве больше так не одет. Но... Ни сестра, ни родители не догадывались об одной странной вещи – парни побаивались ее.

Алина очень ясно это ощущала в больших компаниях, когда, наевшись и напившись, все начинали танцевать. Ее никто не приглашал, и она сидела на диване, делая вид, что происходящее никак ее не касается. С ледяным видом наблюдала, каким успехом пользуются ее сокурсницы, а ведь чем она, казалось бы, хуже других? Никто не подсаживался к ней, не брал за руку, не заводил разговоров на отвлеченные темы. О деле с ней поговорили бы охотно – но кто же говорит на вечеринке о делах, да еще с девушкой? А если кто-то и решался за ней ухаживать, то это был, как правило, записной институтский ловелас, насчет которого она была

уверена – для него все девушки на одно лицо, назавтра он даже не вспомнит ее имени. Или же пьяный... Но это было уж чересчур.

И только на пятом курсе, когда она уже готовила выпускной проект, ей наконец повезло. Она отбросила гордость и сразу признала, что это было самое настоящее везение. До этого у нее было два коротких романа – но, собственно, их и романами назвать было нельзя. Алина не влюблялась – она просто считала, что не иметь ни одного парня в двадцать три года – это извращение. Или же следовало признать себя неполноценной, а это было еще хуже. И вот ей повезло – она влюбилась.

Он был немного старше – ровесник ее сестры. Не дизайнер, не художник – фотограф. Они познакомились, когда готовился показ выпускных моделей. Его пригласили снимать дефиле, устроенное в конкурсном зале. Алина несколько раз слепо натыкалась на него, когда носилась вокруг подиума с булавками в зубах, лоскутьями в руках и полным сумбуром в голове. В последний момент выяснилось, что она куда-то засунула коробку с искусственными, собственноручно сделанными цветами. А без них пропадал гвоздь ее коллекции – весеннее платье. Алина уже подумала, что кто-то зло над ней подшутил или же решил в последний момент подставить подножку... Такое случалось – и довольно часто, а недругов у нее всегда было больше, чем друзей. Уже все знали, что Алина потеряла цветы, и она готова была расплакаться, ко-

гда кто-то тряхнул ее за локоть. Она обернулась, чтобы выругаться, и увидела самого настоящего ангела – белокурого и голубоглазого. Правда, без крыльев, но с фотоаппаратом на груди и коробкой в руках.

– Это, что ли? – спросил он. – Там стояло, на стуле.

Алина только и смогла ответить «ой». Кажется, она его даже не поблагодарила – ни тогда, ни позже. Унеслась за кулисы и, искалывая пальцы в кровь, принялась криво-косо припиливать цветы к подолу платья. Все это проделывалось в самый последний момент и под аккомпанемент истерики – зареванная модель уже решила, что цветы украли ее собственные недруги (исключительно из зависти!), и успела поссориться по этому поводу со всеми подружками.

Когда этот ад закончился и Алина получила хороший балл, она снова нашла глазами своего спасителя. Он стоял за первым рядом кресел, что-то подкручивая в своем громоздком «Никоне» и время от времени хлопая вспышкой. Вспышка заменяла ему ангельский нимб – в глазах Алины во всяком случае. Теперь она рассмотрела его получше. Веселый парень, рубашка хаки, большой смеющийся рот и сощуренные глаза. Ничего особенного, но она глаз не могла от него отвести. А потом он подошел к ней, поздравил и заговорил так, будто они были знакомы уже много лет.

Его звали Эдик. Он снимал показы мод и сотрудничал с несколькими модельными агентствами. Парень пригласил ее в ресторан – отметить сдачу проекта. Она без колебаний

согласилась. Она думала, что нужно будет ловить такси, но Эдик подвел ее к своей машине – маленькому джипу «Вранглер», с открытым верхом. Когда они ехали по городу, у нее было удивительное чувство – ощущение настоящего праздника. И это не имело ничего общего с показом, весенней коллекцией и даже с похвалой преподавателя... В ресторане Эдик заставил ее выпить – за успех, за знакомство, за удачу, за многое другое. Алина так развеселилась, что сама потянула его танцевать под какую-то дурацкую, подростковую музыку. Потом они отдыхали, пили кофе, чашку за чашкой, болтали, о чем придется. Сейчас она не могла вспомнить ни единого слова из их тогдашнего разговора. Потом поехали к нему домой. И встречались еще несколько раз – то в городе, то у него. Алина тогда еще жила с родителями и не могла пригласить парня к себе.

Она рассказала о нем сестре. Та неожиданно стала смеяться и заявила, что пока особенно гордиться нечем. «Такое бывает у всех, это же случайное знакомство. Он, может, и прелесть, может быть, даже ангел... Только ты взрослый человек, стоит ли так обольщаться?» Алина и сама понимала, что никак не может освободиться от первого впечатления, когда Эдик так ее выручил, можно сказать, спас. Из-за этого все его последующие поступки продолжали казаться замечательными, из ряда вон выходящими. Самые банальные слова – удивительно остроумными и находчивыми... Но разочароваться в нем ей никак не удавалось. Алина уже влюбилась.

«Ну ладно, вы гуляете, ходите в ресторан, крутите любовь... Бог с этим со всем. Главное, как он к тебе относится? – допытывалась старшая сестра. – Тебе уже пора разобраться! У него-то это серьезно? Что он тебе говорит?»

– Я ничего не помню, – пробормотала Алина, ворочаясь в постели. Свет она давно погасила, но в комнате было светло – прямо напротив окна, на проволоке над переулком висел фонарь. Оранжевый апельсиновый свет заливал комнату до самых дальних уголков.

Эдик и в самом деле мало походил на жениха. Он никогда не заговаривал ни о браке, ни даже о совместной жизни. Она также. Парень никогда не говорил, что влюблен. Алина тоже не говорила. Она просто не могла бы сказать это первой. В мае, когда у нее в институте началось самое горячее время, он неожиданно предложил ей проехаться на юг.

– Будет большая совместная съемка для нескольких журналов, я тебя приглашаю! Оторвемся, позагораем! Что здесь хорошего, можно ангину схватить!

Май в самом деле выдался отвратительный. День за днем, ночь за ночью шел дождь. Он прекращался только на несколько часов перед рассветом, и тогда наутро на улицах стоял густой туман. Алина слегка простудилась, глотала аспирин, но не пропускала ни одного занятия. Нужно было готовиться к последней сессии. Предложение проехаться на юг она отвергла.

– Мне же нужно закончить институт, – сказала она, почти

умоляюще. – Я не могу все бросить в последний момент... Как же ты не понимаешь?

Эдик совершенно не возражал. Если нужно – значит нужно. Он сказал, что как-то об этом не подумал. Она даже не обиделась, услышав это заявление. Только в груди что-то на миг замерло – будто завязался маленький жесткий узелок. Она впервые подумала, что его не очень волнует ее учеба, а может, и ее будущее. Предложение об отдыхе было сделано, а больше его ничто не трогало. И может быть, даже ее ответ был ему почти безразличен. Парень не слишком расстроился, когда понял, что поедет на юг без нее.

«Но если бы я тогда согласилась, все могло быть по-другому! – Она приподнялась на локте и ударила кулаком в центр подушки, чтобы сделать ее помягче и заодно на чем-то выместить свою досаду. – А я просто упустила его. Может, ему было очень нужно, чтобы я чем-то для него пожертвовала? А я уперлась, и ни с места... Что толку об этом думать? Теперь уже ничего не поправишь».

Они больше ни разу не виделись. Эдик распрощался и уехал на съемку, обещав по возвращении позвонить. Она сдавала сессию и заочно, но горячо ревновала его ко всем молоденьким, тоненьким моделям, которых он снимал на галечном побережье, под майским солнцем. Где-то очень далеко. А в Москве все шел и шел бесконечный дождь. Когда она получала свой долгожданный диплом, то едва слышала, как ее поздравляли. У нее ломило виски, на верхней губе то

и дело проступала горячая испарина, собственное тело казалось чужим и ей было в нем как-то неудобно – будто в неудачно сшитом костюме. На большой вечеринке, устроенной в честь выпуска, ей стало дурно и пришлось взять такси и уехать домой. Что с нею происходит – Алине стало ясно позднее, в середине лета, в те самые дни, когда она окончательно убедилась, что Эдик больше не позвонит. Звонить самой не позволяла гордость – правда, только до тех пор, пока она не поняла, что беременна. Тогда Алина все-таки позволила – просто чтобы спросить, как он отнесется к такой новости. Втайне она все-таки на что-то надеялась...

Трубку взял какой-то мужчина – как выяснилось, очередной квартирант. Эдик жил на съемной квартире и сразу после возвращения из Крыма съехал оттуда. Куда – неизвестно, адреса он не оставил. Квартирант дал ей телефон квартирной хозяйки, от нее-то Алина все и узнала. А также услышала раздраженное заявление, что Эдику часто звонят женщины, которым он не оставил ни своего нового адреса, ни телефона. И что хозяйке уже надоело их успокаивать.

Алина бросила трубку и поклялась больше его не искать. Еще через неделю Алина устроилась на работу. А перед этим пошла в больницу, сдала анализы и сделала аборт. Но об этом сестра уже не знала – как не знали и родители. Алина сразу из больницы уехала на новую квартиру, которую удалось снять задешево, у знакомых. Помощи она ни у кого не просила – ни материальной, ни моральной. Если бы ее стали

жалеть – она бы пришла в ярость.

Правда, мама о чем-то догадывалась. Прямо она не спрашивала, боясь, как всегда, нарваться на резкость – младшая дочка ненавидела, когда ей лезли в душу. Но иногда смотрела так странно, будто о чем-то спрашивала взглядом. Алина не отводила глаз – она отвечала таким же безмолвным взглядом, честным и недоуменным. И мало-помалу ей самой начинало казаться, что ничего не было.

«И работа-то была хреновая, я ее потеряла почти сразу! – подумала она, открывая глаза и глядя на оранжевый от света фонаря потолок. – Если бы потерпела – все могло бы наладиться. Ну родила бы. Был бы у меня теперь трехлетний ребенок. А может, и Эдька бы объявился. Москва – не сибирская тайга, можно найти человека... И ведь он знал телефон моих родителей. Только вот он меня не искал. Я была ему не нужна – с самого начала. Нет, я все сделала правильно. Все было ясно до ужаса, будто вспышкой засветили. Он меня не любил, никогда бы не женился. Попроси я о помощи – помог бы пару раз, а потом опять бы замаскировался – сбежал, забыл... И потом, куда бы я делась с ребенком? Где бы смогла работать?»

Где-то под потолком, в углу, грустно и тонко зазвенела проснувшаяся муха. Алина поискала ее взглядом и не нашла. И очень расстроилась – в этот миг она очень остро ощущала свое одиночество и была бы рада даже такой незначительной компании... Поймав себя на такой мысли, она даже

испугалась.

«Не нужно думать о прошлом! – приказала себе девушка. – Иначе остается сойти с ума или признать, что я неудачница. Сейчас меня должно волновать только будущее! И прежде всего то, как вернуть долг, пока не начали начислять проценты. Господи, ну и дурак же этот Васька! И какой трус – милиции боится! Деньги собирает... Вот отдаст их каким-нибудь гадам, а потом выяснится, что можно было и без этого обойтись... Отдаст ни за что! А я останусь на бобах... И что он так взбеленился? Я же просила по справедливости – разве что не вовремя. Ну почему, почему мне так не везет?»

И она не выдержала и заплакала. Плакала Алина недолго – всего несколько минут, но ей стало немного легче. Девушка вздохнула, вытерла лицо краем простыни, отвернулась к стене и приказала себе спать.

Глава 4

Утро пропало. Когда Алина явилась в отделение милиции и заявила первому встреченному в коридоре милиционеру, что желает сдать оружие, тот слегка опешил. Алина с раздражением вытерпела взгляд, которым он обводил ее фигуру, и порадовалась про себя, что сегодня на ней брюки. В этом взгляде читался мужской интерес – правда, весьма настороженный.

– В каком смысле – сдать? – переспросил он наконец. – Оно у вас откуда?

– Да я сама бы желала знать. Мне его подкинули.

– Это детей подкидывают, – заметил он. – Покажите-ка.

Она показала пистолет, осторожно приоткрыв сумку. До этого момента он, казалось, не верил ей. Узрев оружие, милиционер осторожно взял Алину под локоть и провел ее в комнату в дальнем конце коридора. Там по клавишам «Ундервуда» изо всех сил лупил светловолосый парень в штатском. Услыхав, что девушка принесла найденный пистолет, он эффектно ударил по клавише пробела и тоже уставился на Алину. Та возмущенно пояснила:

– Я его не находила, мне его кто-то подкинул. Прямо в сумку!

Она поставила сумку на стол и попросила вытащить откуда эту гадость. В первую же минуту выяснилось следующее

– пистолет не заряжен.

– А пули-то где? – игриво поинтересовался юный блондин.

– В глаза не видала, – Алина перетрясла сумку, ожидая, что где-то на дне окажутся и пули. Но нашла только патрончик со сточенной помадой.

– Ну ладно. Пишите заявление.

И она села писать. Ей давно не приходилось этого делать от руки – привыкла к компьютеру. Дело шло медленно. Алина нервничала, не зная, с чего начать? С момента обнаружения оружия? Но тогда все будет совершенно неясно.

Она начала с начала – как встретила изуродованную неизвестным маньяком сестру, как та наутро загадочно исчезла вместе с собакой, как ее, Алину, подвез до работы свояк, как она забыла в салоне автомобиля сумку... И как вечером, дома у родителей, получила сумку обратно. Только с такой вот странной огнестрельной начинкой. Она упомянула также о звонках, которые сделала домой Марина и о ее денежных затруднениях.

Изложение всех этих событий заняло добрых пять страниц – Алина старалась писать крупно и по возможности разборчиво.

– Ну вот, – расстроился блондин, прочитав ее сочинение. – У вас тут сразу три, нет, четыре дела! Нападение, похищение человека, вымогательство, незарегистрированное оружие. Вы же мне просто пистолет принесли!

– Но сестра-то пропала! – втолковывала ему Алина.

– Когда пропала? Сколько ей лет?

– Ну тридцать. Что с того? Конечно, не девочка... А что, одни девочки пропадают?

– Конечно нет, – заметил он. – Только вот девочки почти никогда не возвращаются.

Алина вскипела:

– Если она не вернется – какая разница, сколько ей было лет!

– Когда она пропала-то?

– Вчера утром.

Блондин посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом. В этих ясных глазах читалось неодобрение. Алина чуть смутилась:

– Да я понимаю, что это несерьезно звучит. Тем более, она звонила вечером, стало быть, жива. Но вы поймите, она такая домоседка! Да еще мужа боится, тот ее часто избивает. Без серьезной причины она бы никуда не исчезла. И еще денег просит! Что-то здесь не то!

– Давайте поступим вот так, – все так же задумчиво предложил парень. – Это заявление вы мне перепишите. Текст я продиктую. Все просто – такого-то числа нашла оружие. Прошу принять. Подпись, ваши данные. Можете там написать, что нашли его в своей сумке, и где эта сумка без вас оставалась. Координаты вашего родственника с машиной тоже давайте. А все прочее – пока побоку, договорились?

Алина попыталась настоять на своем, но тот даже слушать ее не стал. Он объяснил, что работы у него много, она взрослый человек и должна понимать – заводить уголовное дело на счет похищения ее старшей сестры – просто нет оснований. Пока.

– Она сказала по телефону, что похищена? Что деньги нужны для выкупа?

– Нет.

– Ну вот видите. А обычно в таких случаях обязательно говорят. Сами бандюки им велят – чтобы родственников напугать, и те пошевелились скорее. Вы не переживайте, тут что-то семейное. Давайте будем надеяться на это!

Он говорил так просто и почти ласково, что Алина наконец сдалась. Она переписала свое заявление, ставшее в пять раз короче, и с тяжелым сердцем ушла.

Отделение располагалось совсем неподалеку от родительского дома. Девушка поколебалась – зайти или нет? Конечно, после вчерашнего ей придется объясняться... Но не объясняться вовсе – тоже не выход. «Если я одна буду ходить в милицию и долбить их просьбами искать Маринку – ничего не выйдет. Да и времени у меня нет. А вот если пойдет мама... Ее переговорить непросто!»

Та была дома – смотрела вместе с внуками телевизор и попутно вязала для Кати свитер – к школе. Стоило Алине открыть рот, как мать увлекла ее на кухню и плотно прикрыла дверь.

– Они еще не знают! – шепотом пояснила она, тыча пальцем в стену. – Что будет, когда что-то пронюхают, просто не представляю... И так уже спрашивают – где мама, что с ней?

– Только не плачь, – попросила Алина, видя, что мать начинает кусать губы. – А то уж точно догадаются. Подумают еще самое худшее, а она ведь жива. Маринка больше не звонила?

– Нет, а я все время жду.

– А где отец?

– Поехал опять по родственникам, деньги ищет. Что он там насобирает – не знаю. Да и сколько надо – тоже непонятно. Она так странно сказала – соберите все, что сможете...

– Странно, – вслух подумала Алина. – Если похитили – могли бы назначить точную сумму. А то – сколько можете. Детские заявления!

Та испуганно покачала головой:

– Ты думаешь, похитили? Ее-то? Да кто она, чтобы похищать?

– Вот-вот, – поддержала ее дочь. – Она даже не работает нигде. И муж не золотые горы получает. Так просто ведь не похищают, правда? Не в горячей точке живем.

– А что тогда? Может, она все-таки в больнице, нужна операция? Может, она от врача звонила, только нервничала или не в себе была?

Алина пожала плечами. В такую версию она не верила. Марина так бы и сказала – лежит в больнице. И потом, любая

операция тоже стоит определенную сумму денег. А тут – что-то абстрактное. А потом мама, скорее всего, так ничего и не узнала про пистолет. Иначе сразу бы об этом спросила.

Девушка заколебалась – говорить об этом или нет? И решила умолчать. О пистолете мама ничего знать не может – если бы у кого-то из родни было оружие, она бы такую тайну про себя не удержала. А узнает, еще больше напугается.

– Я вообще не думаю, что нужно собирать деньги, – после паузы сказала она. – Лучше всего обратиться в милицию. Я уже там была, но они говорят – ждите. Пока ничего криминального нет.

Мать неожиданно встала на сторону милиции. Алина выслушала ее рассуждения о том, что в самом деле нечего поднимать шум, пока ничего точно неизвестно. Тем более, сама Марина не говорила по телефону, что ее жизни что-то угрожает.

– Но она сказала мужу – если не достанешь денег – никогда меня не увидишь!

– Я все-таки думаю, она имела в виду лечение, – сказала мать.

Переубедить ее было бесполезно. Тем более что она немедленно стала упрекать младшую дочь в том, что та скрыла от нее состояние Марины. Как она могла умолчать о том, что Марине нужно лечь в больницу? И вот – та находится непонятно где, даже не может толком сказать, что с ней происходит.

– Если было сотрясение мозга, нечему удивляться, что она не рассказала нам все в подробностях, – заявила мать. Чем дольше она говорила, тем больше верила своим словам.

Девушка решила не настаивать. «Пусть она думает, что Маринка в больнице. Меньше будет нервничать. И вовсе незачем говорить ей, что, когда я в последний раз общалась с Мариной, та говорила вполне связно и никакого сотрясения мозга я что-то не заметила. Уж про больницу она бы точно сказала».

Сама Алина по-прежнему обдумывала свою собственную версию – старшая сестра кому-то задолжала большую сумму, и вот кредитор пытается получить с нее деньги. Девушка не понимала одного – зачем эти деньги понадобились Марине? Когда она их заняла? И на что рассчитывала, если все-таки занимала? Откуда было взять деньги женщине, которая нигде толком не работала и в своих расходах целиком зависела от мужа? Неужели она собиралась скрыть все это и где-то тайком взять нужную сумму, когда придет время расплачиваться?

«С ума можно сойти! Да зачем ей вообще деньги? Если на детей – могла попросить у мужа. И что-то я не вижу, чтобы она истратила их на детей. Как одевала их в недорогих магазинах, сплошь в спортивные костюмы, так и одевает. Как мама вязала им свитера и шапки – так и продолжается по сей день. Никаких дорогих школ, никаких спортклубов и зарубежных поездок... Истратила на себя? Нонсенс! Да она ни-

когда бы не решилась купить себе что-то дороже пятидесяти долларов! Туфли носила по три года, пальто – по пять лет, и я совсем недавно убедила ее, что зашивать порванные колготки – это самоуничтожение... Лучше ходить в дешевых, но целых, чем в дорогих, но зашитых. Она вообще была какой-то пуританкой – кухня, дети, церковь! Это Васькина работа – Маринка же голову боялась поднять! И вот тебе на – понадобились денежки...»

– Я спрашивала Васю – может быть, ей кто-нибудь угрожал? – упавшим голосом сказала мать. – Говорит – нет, никто. А что толку его спрашивать? Правды он все равно не скажет.

Алина изумленно подняла глаза. Такие рассуждения она слышала впервые. Мать всегда была на стороне зятя – может быть, боялась, что старшая дочь останется с двумя детьми на руках, если муж ее бросит... А может быть, ей просто импонировала преувеличенная мужественность Василия.

– Вот ты всегда говорила, что он ее бил, – продолжала мать. – Я ведь его несколько раз прямо спрашивала – неужели нельзя как-то по-другому? А он мне – да я ее пальцем не тронул!

– Врет, – машинально откликнулась Алина. Она никак не могла прийти в себя. Ей всегда казалось, что мать старается изо всех сил не замечать синяков, которые появлялись у Марины.

– Конечно, врёт. Вот и теперь... Кто ее там душил, кто

нападал – разве он скажет? Может быть, даже он сам?

Алина наконец опомнилась:

– Ну раз уж ты так говоришь, то я тебе тоже кое-что скажу! Я думаю, что он знает об этом больше, чем пытается показать!

И она рассказала про пистолет. Как только она упомянула об оружии, мать схватила ее за руку и держала, сжимая пальцы все крепче, так что под конец рассказа девушке стало больно. Потом пальцы разжались...

– У тебя в сумке? – повторила мать.

– Вот именно! Ну кто мог подкинуть? Не ты ведь, правда? И не дети!

– Васька?

– Может быть. Или кто-то утром на даче. Тогда – это могла быть только сама Маринка.

Мать присела к столу, нашарила чашку с остывшим чаем. Сделала глоток. Взгляд у нее был пустой и беспокойный – как будто она пыталась увидеть в воздухе какой-то призрак.

– Он хотел ее убить, – сказала она наконец.

– Кто?

– Васька.

Алина опешила. Такой мысли не возникало даже у нее – а уж до чего доходили ее выяснения отношений со свояком...

– Мам, ну ты уж слишком! Убить?! Он же не Отелло, в конце концов... Да и какая из Маринки Дездемона – тридцать лет, двое детей, восемьдесят килограммов веса...

Мать подняла голову:

– При чем тут вес? Это он ее душил! Теперь я понимаю, почему он так вилял, когда я его спросила, кто мог напасть на Маринку! А она сбежала от него! Не стала ждать, когда эта сволочь вернется из командировки! И правильно сделала!

Она воодушевлялась все больше, не давая дочери сказать ни слова:

– Я вот что думаю – она ищет деньги, чтобы куда-то уехать! А потом и детей заберет!

Алина ее перебила:

– Мам, но почему она просит денег и у него?! Что он – дурак, чтобы давать жене деньги, если та сбежала?!

– А ты точно знаешь, что Василию при тебе звонила именно она?

Этот вопрос поставил Алину в тупик. Она смотрела на мать – сперва с изумлением, потом – с уважением. «А ведь правда, – пронеслось у нее в голове. – Маринкиного голоса я не слышала! Он просто пересказал мне весь разговор. И мог сказать что угодно. Получается... Он соврал, что она просила денег? Может, просто говорила ему, что никогда не вернется?» Но Алина немедленно отмела эту мысль. Тогда – чего ради Василий пытался занять денег у нее? Ради правдоподобия своей лжи? «Да у него фантазии не хватит на такое! И вообще – у него все на лице написано! Она именно просила денег, и не убивал он ее! Тут что-то другое – просто мама ухватила за новую идею... А уж если она ухватила

за что-то... О! Держись, Вася!»

Мать продолжала ругать отсутствующего зятя. Она заочно высказала к нему множество претензий. Вспомнила, что он всегда был неразговорчив, малообщителен, в компании от него никакого проку. Суший бирюк – и чего только Маринка вышла за него замуж!

– Помнишь, какой у нее был парень до замужества? – жалобно спросила она младшую дочь. – Разве Ваське с ним сравниться?

Та пожала плечами – Алина не помнила.

– Ну как же! – расстроилась еще пуще мать. – Такой симпатичный парень, брюнет, занимался спортом... Каким же, я забыла? Волейболом, что ли?

– А чем, кроме спорта?

– Где-то учился. – Мать пыталась вспомнить, но явно не могла. Даже имя давнего Марининоного поклонника вылетело у нее из головы.

– Я совершенно его не помню, – призналась Алина. – Да и какой прок вспоминать, если она за него не вышла.

– А могла бы!

– У них что – было серьезно?

– Конечно!

– Как же его звали?

Этого мать тоже вспомнить не могла. Алина пожала плечами:

– Значит, несерьезно. Иначе бы ты помнила. Странно, од-

нако, что у нее кто-то был. Мы ведь жили вместе, в одной комнате! Почему я-то ничего об этом не знала? Она бы мне сказала!

– Много ты с ней говорила! – вспылила мать. Посыпались новые упреки – на этот раз, в адрес Алины. Ей высказали примерно те же претензии – необщительность, замкнутость... Алина удивилась:

– Ну перестань, мы с Маринкой всегда друг с другом разговаривали! Я, может, больше о ней знала, чем ты! Это ведь я тебе рассказала, что Васька ее бьет! Только ты мне не верила! Она бы и тебе сказала, только бы ты и ей не поверила!

Мать отмахнулась:

– Брось! Как же его звали! погоди, ведь должна быть фотография! – осенило ее. – Она как-то принесла его фотографию!

– Что – она здесь?

Алина пошла за матерью в комнату. Поздоровалась с племянниками – те смотрели какой-то детский сериал и едва ей ответили. Дети выглядели совершенно спокойными – было непохоже, что их очень волнует отсутствие их матери.

– Конечно, здесь, – мать понизила голос, начиная выдвигать ящики в серванте. – Не могла же она держать ее дома, сама сообрази!

Она мельком глянула на детей. Алина перехватила ее взгляд и кивнула. В самом деле – держать в доме фотографию незнакомого парня Марина никак не могла. Если у нее

и была какая-то первая любовь, даже самая платоническая, то все оставшиеся от нее реликвии она должна была хранить тут – у родителей.

– Андрей! – вдруг победоносно выкрикнула мать.

Дети синхронно повернули головы в ее сторону. Катя убрала с глаз неровную светлую челку и спросила:

– Бабуля, что?

– Ничего, – нервно откликнулась та.

Илья ни о чем не спрашивал. Он снова уставился в телевизор. А мать уже извлекала из ящика мятый желтый конверт, судя по всему, провалявшийся там долгие годы. Края были обтрепаны, ветхая бумага рассыпалась при каждом прикосновении. Женщины ушли на кухню и высыпали содержимое конверта на стол.

– Его звали Андрей, – повторила мать, разбирая старые снимки и сложенные бумаги. – Вот, сейчас... Да, вот он!

Фотография была, судя по всему, сделана в конце восьмидесятых годов. Парень, изображенный на ней, был одет в модные тогда мешковатые брюки мышиного цвета с накладками на бедрах и неумело заклепанную куртку – явно китайского пошива. Но несмотря на этот одновременно претенциозный и нелепый наряд, он был красив. Даже придирчивая Алина не смогла бы найти в нем никаких изъянов. Все, как на журнальной картинке, – широкие плечи, узкие бедра, прямой взгляд прозрачных глаз, густые темные волосы. И хорошая улыбка – то, чего ей всегда не хватало, когда она

видела мужа старшей сестры.

– Ах, вот он какой, – протянула она. – Симпатичный.

– Симпатичный? Это на фото. А в жизни просто красавец, – ностальгически откликнулась мать.

– Я его никогда не видела. А ты-то откуда его знаешь?

– Он приходил к нам два раза. Тебя просто не было дома. Это было летом, а ты все время сидела в библиотеке. Готовилась к экзаменам.

Алина кивнула. Тем летом она и в самом деле редко бывала дома, и не потому, что где-то гуляла. Читательский билет, бутерброд с вареной колбасой и стакан жидкого чая, который можно было купить в библиотечном буфете – так она проводила все свои дни. И поступила в институт, в конце концов.

– Так ведь Маринка вышла замуж осенью, – припомнила она. – Той осенью, да, мама?

– Ну да. Она вроде поссорилась с Андреем, или уж я не знаю, что у них там вышло.

– Странно. – Она снова взгляделась в снимок. – Милейший парень – чего еще желать?! Он был москвич?

– Да, конечно, – даже с какой-то обидой откликнулась мать. – Я так хотела познакомиться с его родителями... Говорила Маринке – давай, позовем их к себе в гости, просто на чай с пирогами... Я ведь думала, что у них всерьез. А она – ни в какую.

– Почему?

– Ну... Была причина, я думаю. Потому и расстались. –

Мать вздохнула. – Ничего не поделаешь. Когда я увидела Ваську, то подумала – вдруг это то, что нужно? Андрей все смеялся, шутил... Мне это нравилось, конечно, но какой бы из него получился муж? А Васька...

– Да, он серьезный, – подтвердила Алина. – Даже слишком серьезный.

– Для мужа – не слишком, – будто про себя сказала мать. Она смотрела на снимок и слегка шевелила губами – будто разговаривала с парнем на фото.

– Знаешь, – сказала она после долгой паузы. – Я никогда не могла догадаться, почему они расстались. А Маринка говорила – из-за пустяков... Жалко, если так. Была бы такая красивая пара!

Алина не ответила. Она тоже смотрела на снимок, и он вызывал у нее какие-то странные ощущения. Так вот что... У ее старшей сестры – такой простой, покорной и положительной, когда-то была первая любовь. В том самом возрасте, когда и полагается иметь эту любовь – лет в восемнадцать. А у нее ничего подобного не было. Она почувствовала себя обокраденной. Марина могла пропадать где угодно, попасть в беду, выглядеть ужасно – по вине своего мужа, чьей-то еще вине, даже своей собственной. Но у нее была первая любовь. А у нее – не было.

Алина подумала об Эдике – второй раз за последние сутки. И тут же назвала себя идиоткой. «Это не первая любовь. Никакая она не первая. И даже не потому, что он не был у

меня первым. Это просто не было похоже на первую любовь. Слишком все просто, без взрывов, без истерик. Без долгих прощаний и мыслей о самоубийстве. Влюбилась я впервые, это да, но и только. Слишком поздно. Просто было слишком поздно. Надо было учиться влюбляться чуть-чуть раньше. Как Маринка».

– Так они поссорились? – спросила она, беря в руки снимок. Эта фотография продолжала ее тревожить. Парень... Она видела его где-то. Когда-то. Но где и когда?

– Нет, – ответила мать. Она продолжала рыться в коробке, вытаскивая на свет старые снимки, где была запечатлена Марина. Школьные балы, выпускные экзамены, Крым... Все, что было до брака. Все, что Марина не взяла с собой в ту, нынешнюю жизнь, предпочла оставить тут, под родительским присмотром. Чтобы муж не задавал лишних вопросов. Лишний вопрос – лишний синяк.

– Странно, – тихо ответила Алина. – Я его где-то видела.

– Ну, может, он ее провожал, и ты столкнулась, – рассеянно ответила мать.

– Нет.

– Что значит – нет?

– Нет, и все. Я знаю то, что знаю. Я его видела не тогда, когда он ее провожал.

– Да как ты можешь это точно знать?

Но она знала. Смотрела на снимок и знала это все отчетливее. Она не видела этого парня у подъезда. Ни во дворе,

ни на их улице, нигде. И все же, она его уже знала. Узнавала – в этом прозрачном взгляде, обаятельной улыбке, даже в том, как топорщились его темные волосы – она узнавала его. С каждой минутой – все яснее.

– Ну, ладно. Пусть я его не видела, – она положила снимок обратно в коробку.

Мать рассердилась:

– Я только-только начала разбирать! Ты все путаешь! Кое-что нужно положить в альбом. Вот это, например.

Она показала снимок Марины – он был сделан в самый первый год ее замужества. Марина в розовом платье, с чуть отекившим, подурневшим лицом, накрашенная явно второпях – макияж ее только испортил. И новорожденный сын у нее на коленях – Илья тогда даже не умел как следует сидеть.

– У меня нет такого, – сказала мать, откладывая снимок в сторону. – Илюхе, наверное, здесь месяца четыре. И вот еще...

Снимок Марины. То же розовое платье, накинутая на плечи кофта и чуть виноватый улыбающийся взгляд. Фотография когда-то была довольно большого формата, но кто-то разрезал ее пополам. Был срезан даже локоть Марины – и часть осеннего желтого дерева у нее за спиной.

– Ты это положишь в альбом? – спросила девушка. – Обрезок какой-то.

– Не знаю, кто это обрезал. Не ты? – расстроилась женщина.

Алина возмутилась – она всегда терпела напрасные обиды от родителей, или же это ей так казалось:

– Как что – так сразу я! Зачем мне резать Маринкины снимки! Я даже не видела его никогда! И не знаю, что там было еще!

– Поди теперь, догадайся. И кто испортил? Это снято у нас во дворе. – Мать прищурилась, рассматривая снимок. – Она тогда мало фотографировалась. Интересно... Кто снимал?

Алина почему-то подумала об Эдике. Третий раз за день! Многовато. Она закрыла коробку:

– Все это замечательно, но хотелось бы повидаться с ней самой. Фотки мне ни к чему. Мам, если она все-таки позвонит – попроси ее перезвонить мне.

Та сразу расстроилась – как видно, в этих старых снимках она находила какое-то утешение – будто бежала в прошлое от неприятного настоящего:

– Ты думаешь, она сегодня вряд ли позвонит?

– Я не думаю. Я сама надеюсь, что с ней все в порядке. И знаешь что? Скажи отцу, чтобы не торопился отдавать деньги. Сперва нужно как следует узнать, что с ней случилось. Если дело только в том, чтобы уплатить за лечение – пусть так и скажет. Мы поедем в больницу и привезем деньги. Но мне кажется, дело в чем-то еще.

За день отцу удалось занять около двух тысяч долларов. Он на этом не успокоился и, наскоро перекусив и сдав же-не деньги, снова отправился в город. Алина узнала об этом, позвонив родителям вечером, вернувшись домой. Марина о себе знать не давала. Василий тоже им не звонил. Она сама сделала попытку позвонить свояку, но никаких результатов это не принесло. Трубку не снимали.

– Он же дома! – сказала она вслух, кладя трубку на место. – Он должен быть дома, куда ему еще деваться?

Алина устала. День оказался бесконечным. Утро в милиции, этот бессмысленный торг с представителями закона, которые никак не желали понять ее требований. Потом – встреча с Вероникой. Та, узнав, что компаньонка не сможет вернуть деньги в конце недели, только развела руками:

– Ну что ж, пять процентов в месяц – это не так уж много. Это почти ничего. Отдашь не девять тысяч, а девять с половиной. Через месяц.

– Но откуда я возьму эту половину? – хмуро спросила девушка.

– А откуда ты собиралась взять девять тысяч? – резонно спросила Вероника. – Деньги из ниоткуда не берутся. Ты же говорила, что можно продать дом? Так вот и продай.

Она посоветовала Алине не тратить нервы понапрасну.

Сейчас она должна думать только о работе – тогда и проценты не покажутся такими страшными. Магазин-ателье открывался буквально на днях. А засесть в мастерской с лекалами Алина должна была уже завтра. Магазин будет носить название «Папарацци» – его придумала хозяйка. Витрины будут декорированы муляжами фотоаппаратов и манекенами, изображающими фотомоделей. Довольно узнаваемыми, но без точного портретного сходства, чтобы не пришлось платить агентам этих, вполне реальных моделей.

– Все рассчитано на молодежь, а те побегут, если название будет достаточно броским. Ну и реклама. Дадим ее в молодежных журналах, а может, даже на телевидении, только не сразу. Чуть погодя.

Вероника была настроена очень оптимистично – и девушка приказала себе не беспокоиться понапрасну. Она до сих пор не знала, как велика будет ее доля и сколько это составит в денежном выражении. «Но дом есть дом, наследство есть наследство, – сказала она себе. – И никто не может его у меня отнять. Я просто буду должна на пятьсот долларов больше – стоит ли беспокоиться? По крайней мере пока?» Сделав этот вывод, она почувствовала легкие угрызения совести. За все это время Алина ни разу всерьез не забеспокоилась о сестре. Ее исчезновение и требование прислать деньги она восприняла, как досадное недоразумение. Ее куда больше беспокоили собственные проблемы. Но теперь она всерьез задумалась об этом.

«Что и говорить, пропала она как-то загадочно. И Василий ведет себя странно. Мама говорит – он хотел ее убить? Нет, в это я не верю. Тогда... Откуда же взялся пистолет? Сдается мне, Васька тоже видел его впервые. Да и какой ему расчет подкидывать мне оружие? Тут что-то не так!»

Она взглянула на часы. Половина восьмого. И наконец приняла решение. «Я поеду туда и еще раз поговорю с соседями. Осмотрю дом. Утром, когда приехал Васька, я как следует ничего не разглядела. Искала только Маринку. А потом попросту сбежала оттуда, едва успела одеться. Если ее похитили – должны же быть какие-то следы! Может, она сопротивлялась? Или все-таки умудрилась оставить мне какую-то записку или хотя бы знак? Тогда я просто ничего не успела увидеть... Зато сейчас ничего не пропущу!»

И она отправилась на вокзал.

* * *

До поселка Алина добралась, когда уже совсем стемнело. Она вышла на маленькой станции в десятом часу вечера. Огляделась. Ни души. Впереди по платформе шла пожилая женщина, едва волоча тяжелые клеенчатые сумки. Судя по всему, она вышла из первого вагона электрички. За ней увязалась бродячая собака. Пес шел за женщиной с кротким, понурым видом, явно просто потому, что больше ему нечего было делать.

Алина спустилась с платформы, перешла через железнодорожные пути. Остановившись между линиями, поглядела в обе стороны. Ни одной электрички в отдалении. Где-то горел красный огонек, на горизонте сгущалась сиреневая мгла. Небо дышало теплой влагой – его заволокло тучами, собирался дождь.

«Теперь пойдут грибы, – машинально подумала Алина, выходя на пустую привокзальную площадь. – Только как отправишься в лес в одиночку? Родители не любят сюда ездить. Им кажется, что далеко. Да просто лень! Мы всегда ходили по грибы с Маринкой...»

И только сейчас она отчетливо ощутила, что сестра исчезла. Возможно, даже навсегда. Она остановилась, переводя занявшееся дыхание. В листве, чуть подсвеченной одиноким фонарем, что-то серебристо блеснуло. Памятник Ленину. Кто, когда и зачем поставил его на это маленькой станции – не знали даже старожилы. По утрам под ним располагались торговки – они приносили огородную зелень, овощи, ближе к осени мужики притаскивали мешки со свеженаловленными раками. Марина часто покупала этих раков – они тут стоили копейки. Их с упоением ела вся семья – кто с пивом, кто с газировкой. Даже Дольфик разгрызал парочку, с каким-то отчужденным, брезгливым видом. Просто за компанию.

«Что же все-таки с ней случилось? Тут так тихо, кажется, такое мирное местечко...»

Алина пошла по длинной, теряющейся вдали улице. Нуж-

но было пройти до конца, свернуть налево, опять до конца, потом через утоптанную площадку, где местные подростки летом играли в футбол... Затем нужно было пройти еще один переулок. Там, почти на границе с лесом, стоял дом их покойной тетки. Даже по поселочным меркам это была страшная даль. Глушь, захолустье. До станции – почти полчаса быстрой ходьбы. Алина всегда ходила быстро, потому что побаивалась этих длинных пустых улиц, особенно если приходилось идти в одиночестве, в потемках. По мере того как она углублялась в поселок, исчезали фонари. Они становились все реже и наконец, когда она свернула в очередной раз, окончательно пропали.

Она нерешительно постояла, слушая тишину. Где-то далеко, в лесу, крикнула ночная птица, имени которой она не знала. Ей откликнулась другая – так же протяжно, тоскливо, будто сообщая о каком-то горе. Девушка взглянула на часы – фосфорические точки позволяли ей определить время. Половина десятого. А все как будто вымерло.

«А она шла тут почти в полночь, – с каким-то сдавленным страхом подумала девушка. – И даже если кричала – никто не услышал. А если услышал, то не помог». Она огляделась. Кое-где за заборами виднелись светящиеся окна. Но большинство домов стояли пустыми, там было темно. Из подворотни на нее нерешительно залаяла собака и тут же смолка, будто усомнившись, не совершила ли она ошибку? Алина двинулась дальше. Ей было страшно. Она уговаривала себя,

что ничего случиться не может. На нее-то во всяком случае никто не нападет. Кому, когда она причинила зло? Кто мог ей завидовать, кто ее ненавидел? «Только я сама и ненавижу себя, да и то – иногда! – подумала девушка, сворачивая в последний переулок. – Ненавижу за то, что я такая, за то, что я всегда одна. Ищу причины, почему мне не везет, и не нахожу... Чувствую себя последним уродом и смотрюсь в зеркало, чтобы убедиться, что это не так. И все равно, ни в чем не уверена. Маринка говорила – я карьеристка. Чушь. Карьера ничему не мешает. Тут что-то другое. Что-то другое. Цыганка бы сказала – „тебя испортили“. Но кто мог меня испортить? Зачем? Порча – это не парочка булавок, которые кто-то втыкает в восковую куклу. И не чей-то дурной глаз. Порча – это что-то в тебе самом, только твое собственное творение и твоя вина...»

Она поравнялась с домом на углу. Остановилась, вглядываясь в темные окна. Судя по всему, там все уже легли спать или семья находилась в задних помещениях. Алина осмотрелась по сторонам.

«Вот тут на нее и напали. Удар по голове, потом удавка. Повалили на траву, вот тут. Она уронила сумки, конечно. Потом ей удалось перевернуться. Потом – закричать. Но эти сволочи утверждают, что ничего не слышали! Горели у них тогда окна или нет? Она говорила, что горели? Я не помню. Но они точно были дома – всегда тут живут, даже на зиму теперь не уезжают. Потому и достроили дом, чтобы жить тут

круглый год».

И вдруг, почти неожиданно для себя, Алина крикнула. И сама испугалась своего голоса – так громогласно, пугающе он прозвучал на замершей, сонной улице. Немедленно зала-
яла соседская собака. Через пару секунд она увидела – на веранде зажегся огонь. Приподнявшись на цыпочках, она заметила сквозь стекла мелькнувшую внутри тень. Мужчина это был или женщина – Алина разобрать не сумела. Тень замерла, превратившись в бесформенный комок.

В ней поднялась жгучая злоба: «Так значит, и тогда они слышали крик! Я ведь кричала не громко, а она, думаю, просто орала! Сволочи, сволочи! Ее же могли убить прямо у них перед воротами, а они даже не вышли посмотреть, что тут происходит!»

Она собрала всю свою волю в кулак. Не так-то просто кричать, если на то нет особой причины, но она сделала это еще раз. Теперь получился визг – достаточно отчаянный. Во всяком случае, Алина так посчитала – ведь собака забилась под воротами в настоящей истерике. И тут на крыльце открылась застекленная дверь, на дорожку упал косой прямоугольник света. И к воротам кто-то побежал.

Девушка замерла, не веря своим глазам. Она слышала приближающиеся шаги. Потом они замерли. Сквозь неугасающий собачий лай донесся мужской голос. Мужчина желал знать, что тут творится.

Она молчала. До тех самых пор, пока не услышала, как от-

пирают прорезанную в воротах калитку. На улицу выглянула смутная тень. Алина сощурилась и различила лицо соседа.

Тот уставился на нее:

– Кто тут?

– Я, – ответила она.

– Кто? А, это...

– Я, – повторила девушка, не сводя с него взгляда.

– А что это вы кричите? Цыц! – рявкнул он на собаку, и та, издав еще несколько угрожающих утробных звуков, наконец уgomонилась.

– Я... – Алина наконец собрала с мыслями и теперь могла придумать достоверную отговорку. – Мне показалось, кто-то за мной бежит...

– Да ну? Где?

Сосед вышел из калитки, остановился посреди переуллка и обозрел его – насколько это позволяла темнота. Потом выругался. Он заявил, что в этом же году необходимо наконец разобраться с уличным освещением. Черт-те что! Тут люди живут круглый год, а наладить фонари никак не могут!

Девушка слушала его молча. В ней боролись самые противоречивые чувства. «Он все-таки вышел. Как только я закричала в первый раз, там зажгли свет. А ведь они были в другой половине дома. А тогда, в ночь с пятницы на субботу... Маринка точно сказала, что у них окна горели по фасаду! Теперь я вспоминаю. И что же получается – тогда они даже не выглянули?!»

Сосед продолжал ругаться, пытаясь что-то разглядеть в сгустившейся тьме. Потом замолчал, постоял с минуту и наконец повернулся к Алине:

– Кто гнался-то?

– Я не разобрала, – робко ответила девушка.

– Мужик, что ли?

– Да, кажется...

– Черт... – Он прибавил еще несколько более крепких ругательств. – Скоро жить будет невозможно! Вот твоя сестра говорит – на нее кто-то напал! Теперь за тобой гнались! Что вы натворили-то, девицы-красавицы?! Почему за моей бабой никто не бежит?

Алина пожалала плечами, но этот жест укראה темнота. Сосед ничего не разобрал. Он постоял еще с минуту и наконец в сердцах сплюнул:

– А, мать вашу! Завтра же буду разбираться насчет фонарей! Тут нужно кабель заново тянуть! Придется деньги собирать, а с кого тут возьмешь? Одни бабки живут! Ты скажи своим, чтобы готовили деньги, им это не меньше моего нужно!

– Послушайте, – перебила его Алина. – Вы точно ничего не слышали, когда на Марину напали?

– Что там было слышать, ничего не было!

– Она же кричала!

– Ну значит, тихо кричала!

«Тихо? – Алина зябко повела плечами. С реки тянуло хо-

лодом. — Уж во всяком случае, должна была кричать громче меня. Я только изображала, что на меня напали. А ее в самом деле чуть не убили! Хотя, на горле была удавка, и в таком случае, разве она могла себя контролировать? Может, кричала почти неслышно. Но тогда почему тот маньяк испугался и бросил ее? Нет, она должна была орать во все горло!»

— Точно, не слышали? — уже безнадежно повторила она.

Сосед махнул рукой, выудил из кармана пачку сигарет и, не говоря ни слова, исчез за калиткой. Брякнул тяжелый запор. Глухо брехнула и немедленно замолчала собака. И вскоре на веранде погас свет.

Алина постояла немного, прислушиваясь к установившейся в переулке тишине. И затем пошла к своему дому. Точнее, к дому, половина которого по завещанию принадлежала ей.

В той половине дома, которая принадлежала бабе Любе, горели два окна. Алина с детства знала, что это окна кухни. Собственно, других комнат на первом этаже и не было. Кухней считалось большое помещение, где находилась деревянная печь, газовая плита, и стояла широкая, вечно разобранная кровать, на которой спала баба Люба. Кроме того, там хранился разнообразный хлам — в громоздких, грубо срубленных сундуках и древних, разошедшихся и почерневших шкафах. Мансарда никогда не ремонтировалась, крыша текла. Эта половина дома, собственно говоря, представляла собой развалину — половина сестер производила куда более от-

радное впечатление.

Алина заколебалась. Она стояла у своей калитки и раздумывала, куда двинуться. В их доме было, естественно, темно. Все, как она оставила, когда уезжала отсюда. Ей вовсе не хотелось туда идти, теперь Алина поняла это очень отчетливо.

«Загляну к старухе, – решила девушка. – Она все-таки принимала участие в Маринке, той ночью. И даже если она почти выжила из ума – все-таки от нее можно что-нибудь узнать».

Она самостоятельно отперла калитку – щеколда легко поднималась, если просунуть руку между широко расставленными досками ограды. Пошла к дому. Собаки тут не было. У бабы Любы несколько лет назад жил какой-то рыжий барбос, но он околел, а старуха нового не заводила. Она всегда жила одна – сколько сестры себя помнили. Когда они были детьми, баба Люба вовсе не выглядела старухой. Но они уже тогда так называли эту женщину – деятельную, коренастую, когда-то, несомненно, весьма привлекательную. У бабы Любы был единственный сын – он давным-давно жил где-то на Урале. Больше никого. Она сама вела хозяйство, изредка, раз в месяц, ездила на электричке в церковь (своей в поселке не имелось) и целыми днями копалась в огороде. Алина привыкла к ней до того, что если бы однажды не обнаружила за забором этой скрюченной жалкой фигурки, то почувствовала бы себя обокраденной.

– Баб Люб? – вопросительно крикнула она, стукнув в ок-

но. — Это я, Алина.

В ответ послышался пронзительный кошачий крик. Когда пес околел, соседка завела кота, и этот кот стоил нескольких собак. Если он был сыт, то вел себя вполне благодушно. Но если бывал чем-то недоволен — кормежкой или обращением, — превращался в сущего дьявола. Баба Люба почему-то очень боялась, что этот ничем не примечательный, да к тому же скандальный зверь от нее сбежит, и на ночь не выпускала его из дома. Кот протестовал против такого ущемления своих прав, да так отчаянно, что будил ближайших соседей.

Ей открыли дверь, и Алина вошла. Кот молнией скользнул у нее под ногами и растворился в темноте огорода. Через секунду его пронзительный вопль раздавался уже на улице — он явно вызывал всех желающих на дуэль. Баба Люба выругалась:

— Да чтоб тебя! Упустила!

Алина поздоровалась и попросила разрешения войти.

— Это ты, Алечка? — Старуха, смягчившись, взгляделась в нее и побрела обратно к плите. — А я баклажаны делаю. Купила вот баклажаны. Будешь?

Девушка отказалась.

— А то в банки закатаю, до зимы не попробуешь, — равнодушно предупредила та и стала у плиты, помешивая ложкой бурое неаппетитное варево.

Алина присела к столу. Тут все было так привычно, что на миг она ощутила себя ребенком. И вспомнила, как баба

Люба просила ее спускаться в подпол, чтобы поставить туда заново закрученные банки с заготовками. Или достать оттуда старые банки. Кто ел эти консервы, зачем баба Люба их так упорно заготавливала – с августа по октябрь, – оставалось загадкой. Большая часть банок у нее вздувалась, а то, что оставалось нетронутым в остальных, было совершенно несъедобно. Алина каждый раз боялась, что старуха отравится, но бабе Любе ничего не делалось.

– Ты чего приехала? – спросила старуха, меланхолично помешивая варево. Казалось, она варит не баклажанную икру, а какую-то колдовскую мазь. – С ночевкой останешься?

– Да, – кивнула Алина. Хотя до этого момента так и не успела решить – будет ли ночевать на даче.

– А где твои? В Москве?

– Все в Москве.

– И что там хорошего? Одни проститутки, – сказала старуха, как будто про себя.

Алина тихонько хмыкнула. Она знала, что баба Люба уже лет десять не выезжала в столицу, расположенную совсем неподалеку. Видимо, с тех пор, как она стремительно начала стареть и ее настигали разнообразные болезни, Москва казалась ей все дальше, пока не превратилась в какой-то иной, запредельный мир. И смотря единственный канал по своему допотопному телевизору – кстати, канал был какой-то дециметровый, который не ловился у Алины в Москве, – баба Люба вынесла твердое убеждение, что Москву населили

сплошные бандиты и проститутки. Порядочным людям там просто опасно показываться.

– Ну что вы, баб Люб, – добродушно сказала Алина. – Я ведь тоже в Москве живу.

– А? – обернулась та.

– По-вашему получается, я проститутка?

Бабка даже испугалась:

– Ты че? Кто сказал?

Алина захохотала и махнула рукой:

– Я шучу, шучу! На самом деле, их там много! Только я пока не такая!

Бабка внимательно посмотрела на нее и в конце концов тоже улыбнулась. Улыбалась она туго, будто для этого ей приходилось с трудом расклеивать ссохшийся узкий рот.

– Ну а Маринка че? В больнице? – спросила она.

– Да кто ее знает, – откровенно призналась Алина.

– Она ведь пропала.

– Как это?

– Да вот... В понедельник с утра уехала отсюда и с тех пор – ни слуху ни духу. А здесь она не бывала? Вы ее не видали?

Баба Люба отложила ложку, нащупала табурет и осторожно присела.

– Как это пропала? – испуганно повторила она. – Куда это?

– Если бы знали куда – нашли бы. Только позвонила. Денег просит. А больше – ничего неизвестно.

Старуха замерла, а потом ритмично закачала головой. Зу-

бы она потеряла давно, и когда волновалась, то из ее речей можно было понять совсем немного. Но Алина, обладавшая в этом деле большим опытом, все-таки кое-что поняла. А именно – что когда ее сестра прибежала среди ночи, изуродованная, полумертвая – тут старуха энергично качнула головой, так что Алина даже испугалась – не свалится ли та со стула, – так вот, когда ее сестра ворвалась сюда и чуть не на коленях просила о помощи, – тогда она, баба Люба, и поняла – теперь ничего хорошего ожидать не приходится.

– До чего дожили, – прошептала старуха. – А мой Брылька-то давно помер. Если бы он был жив – я бы так не боялась. А вот теперь... И спать даже опасаясь. Вот, затеяла консервы крутить на ночь глядя. Не могу спать и все... Наверное, скоро помру.

Брылька – так звали рыжего барбоса – помер года три назад. Но и в ту пору, когда пес был жив, он вряд ли представлял из себя надежную защиту для старухи. Даже голос у него был негромкий – пес лаял так, будто сознавал, что такое ничтожное создание, как он, не имеет на это никакого морального права.

– Баба Люба, а вы-то сами в ту ночь ничего не слышали? – спросила Алина.

Та ничего не слышала. Да и немудрено – старуха слышала что-нибудь только в том случае, если собеседник находился рядом, да к тому же повышал голос.

– Ох, да когда я ее увидела, решила – сейчас прямо и по-

мрет, – горестно рассказывала старуха. Ей никак не удавалось свернуть с волнующей темы. – Примчалась, вломила – глаза красные, как у черта! Аж мой кот напугался!

– И с тех пор вы ее не видели, – уточнила Алина. – Как она уехала утром, в понедельник – не видали? Вы же не спите по ночам, сами сказали!

– Ничего не видела, ничего, – запричитала старуха, вскакивая с табурета и хватая ложку. – Сейчас все сгорит!

В самом деле – обширную кухню уже заполнял горький запах пригоревших баклажанов. Алина уже собралась попроситься, но тут ее остановила хозяйка:

– А дом, слышите, пока не продавайте! – сказала она. – Лучше осенью. Говорят, цены подымутся!

Алина удивленно обернулась:

– А вы откуда...

Но старуха ее не слушала. Она твердила свое:

– Вон на улице Маяковского дом продали и что ж? Теперь перепродают, просят чуть не на пять тыщ больше! Пять тыщ! Мне бы до смерти хватило, да и больше... Пять тыщ долларов... У меня пенсия четыреста рублей. Мне-то что, это вам жить, вы молодые. А мне что? Деньги в могилу не унесешь... Знаешь, как моя мама говорила? На саване карманов нет!

Алина все-таки уловила основной смысл ее невнятного бормотания и очень разволновалась:

– Кто продает дом, баба Люба? Кто сказал?

– Да сестра твоя! – с таким же волнением ответила баба

Люба. – Я вот боюсь – не продала бы каким бандюкам! А то кокнут меня, и потом никто не поймет, отчего я померла! Что – мало такого бывает? Дом-то большой, земли довольно, они весь участок захотят взять! Не то что половину!

– Да кто хотел продать? – крикнула Алина. Она была вне себя.

– Твоя сестра! – отчеканила баба Люба. – Все время меня спрашивала – не знаю ли я, может, кто хочет купить? Узнайте, мол! А я не узнавала. На черта мне? Если бы и знала – не сказала бы!

И решительно воткнула ложку в месиво из разваренных баклажанов.

Глава 5

Сперва Алина решила, что старуха что-то путает. Это было немудрено – баба Люба вполне могла перемешать зиму с летом, не помнила имен, даже не знала толком, сколько у Марины детей – все почему-то спрашивала, где же третий мальчик? Девушка задала несколько наводящих вопросов по поводу продажи дома, но все привело к тому, что она убедилась – на этот раз старуха точно знает, о чем говорит, тем более что ее слова могли подтвердить свидетели.

Первый раз Марина спросила ее, нет ли в поселке желающих купить дом с участком, еще в начале этого лета! Баба Люба точно это помнила, потому что это было в один из первых приездов Марины на дачу вместе с детьми. А у тех только что начались школьные каникулы. И при этом разговоре была девочка – Катя. Марина с дочкой зашла к соседке, напилась чаю и как бы между делом спросила у старухи – сколько можно получить за дом?

– Она спрашивала потому, что правда собралась продать или просто так интересовалась? – уточнила Алина.

– Как это просто так, если просила меня найти покупателя! – обиделась баба Люба.

– Странно! Почему же она не посоветовалась со мной? – пробормотала Алина.

У нее это никак не укладывалось в голове. Ну понятно,

что сама она с легкостью пожертвовала бы этим домом. Ее, собственно, ничто не связывало с этим клочком земли, кроме детских воспоминаний, конечно. Да и те давно перестали для нее что-то значить – она жила настоящим моментом. Но Марина! Она всегда твердила, что если бы не этот дом, не возможность изредка покопаться в земле – она бы совсем зачахла в городе! Старшая сестра любила здешнюю деревенскую тишину, патриархальные, грубоватые нравы соседей. Она комфортно чувствовала себя в такой обстановке, тогда как Алине всегда было тут неуютно. Она приезжала сюда только позагорать. Да и то предпочитала юг, море, в крайнем случае – берег подмосковной речки, в каком-нибудь пансионате. Но Марина... Она прикипела к этому месту всем сердцем! Она была настоящей хозяйкой этого дома, этого участка. И вот – такое внезапное желание со всем этим расстаться!

– Баба Люба! – нерешительно обратилась к старухе девушка. – Еще кто-нибудь знал, что она хочет продать дом? Вы правда ни с кем об этом не говорили?

– Ни с кем! – отчеканила старуха. – И ей сказала, что покупателя искать не буду. Если ей нужно – пусть сама и ищет.

– Ну конечно, – поддержала ее Алина. – Только вы упоминали, что она просила вас об этом несколько раз?

– Ну да. Сперва так просто, будто не очень нужно. А в последнее время Маринка прямо напугала меня. Ходит и ходит, и все твердит: «Баба Люба, поищите, поспрашивайте, вы тут всех знаете...» Как будто мне больше делать нечего!

Старуха еще долго не оставляла эту тему – ей, конечно, страшно было терять старых, насквозь известных ей соседей, привыкать к кому-то другому. Алина поддакивала, вполуха слушая ее сетования, во всем с ней соглашалась, а сама думала о другом.

«Маринка все лето искала покупателя! Черт! Зачем?! Почему мне не сказала ни слова?! И Васька ничегошеньки не знает – как же это? Как она решилась на такое без его ведома?! Когда я сказала ему, что буду продавать свою половину дома, если он не пошевелится с деньгами, он чуть не рехнулся от ужаса! У него и в мыслях не было потерять дом! А тут, оказывается, и жена подсуетилась! Только почему она обратилась к бабе Любе? Проще было поговорить со мной! Не очень-то я и держалась за этот дом, могли бы сговориться и вместе двинуть его на продажу! Тем более что это дело касается только нас двоих! Васька тут ни при чем, дом завещан нам, и только нам! Даже ее дети тут ни при чем – у них же есть московская квартира, это их прав не ущемляет! Мы могли так тихо продать участок, что никто бы и не узнал, пока бы мы всем сами не сказали! А я-то, дура, боялась с ней об этом заговорить! Вот бы она обрадовалась!»

– Вы не знаете, она больше ни с кем не говорила по поводу дома? – настойчиво повторила Алина, когда старуха умолкла. – Может, она сама нашла покупателя?

– Ничего не знаю, – отрубила старуха. Эта тема явно задевала ее за живое.

– Значит, никто об этом не знает?

– Да никто.

– Ну, наверное, кроме Кати? Она же к вам с дочкой приходила?

– С маленькой... – подтвердила старуха. – А как ее третий, мальчик? Совсем еще крошка, верно?

Этот «третий», никогда не существовавший ребенок насмешил Алину. Старухе никак не удавалось втолковать, что у Марины всего двое детей и больше двух никогда не было. Она встала и попрощалась, попутно пообещав помочь соседке спустить в подвал закрученные консервы. Завтра утром зайдет и спустится туда. Старуха очень обрадовалась и опять попыталась угостить Алину готовыми баклажанами. Алина посмотрела на неаппетитное месиво и опасливо отказалась.

Когда она вышла на улицу, с неба полетели первые капли дождя. Девушка на минуту остановилась, жадно вдохнула влажный ночной воздух. Ее лица как будто осторожно касались чьи-то теплые, робкие пальцы. Капли были такие мелкие, что почти сразу высыхали на ее разгоряченном лице. В доме напротив уже погасили свет – там всегда ложились рано. Она стояла, вглядываясь в темноту, прислушивалась, но страха больше не ощущала. Он исчез – исчез в тот самый миг, когда она закричала и на улицу вышел сосед.

«Если бы закричала Марина – он бы тоже непременно вышел, – твердо подумала она. – Но только Маринка не кричала. Не было никакого крика. И никакого уличного нападе-

ния. Все случилось в доме. В нашем доме, когда дети уже уснули. Даже не на участке – иначе все равно кто-нибудь бы что-то слышал. Но все отказываются засвидетельствовать, что слышали. Потому что ничего и не было. Не такие уж пугливые тут живут люди. Если в поселке завелся маньяк – в их же собственных интересах, чтобы его поймали! Никто не стал бы прятаться по углам! Еще бы и от себя что-то присочинили. Но только никто в милицию не пошел. Потому что ничего и не было».

Она нащупала затвор калитки, подняла его, вошла на участок. Медленно пошла по дорожке, изредка останавливаясь, оглядывая кусты, деревья. Никого. Да и кому было прятаться здесь, под начинающимся дождем? И зачем?

Собака не залаяла при ее приближении – никакой собаки тут больше не было. Алина поднялась на крыльцо, достала из сумки ключ. Она увезла его с собой, покидая дачу утром в понедельник. Отперла дверь, вошла, включила свет.

На столе все еще стояли грязные кофейные кружки – как они пили кофе с Василием, так и оставили их. В пепельнице лежал скрюченный окурок. В миске, рядом с плитой, застыла покрытая жиром суповая кость. Алина задернула занавески на окнах – ей было неприятно думать, что кто-то может на нее смотреть с улицы, из темного сада. Это был ее давний кошмар, возможно, навеянный каким-нибудь фильмом. Она одна в доме, ночью, в комнате горит свет, и поэтому она не видит, что кто-то стоит под окном и уже долгое время на нее

смотрит. А потом огибает дом, открывает входную дверь...

Что-то стукнуло, и девушка так и подскочила на месте, прижав руку к забившемуся сердцу. Потом поняла – это наверху. Поднимался ветер, а где-то там было оставлено открытым окно. Она же сама его открыла, когда спала тут. Ей было душно, и она иногда вставала покурить, по пояс высовываясь из окна и бросая окурки в траву. Последний раз – перед рассветом. Если бы она не спала всю ночь, то наверняка увидела бы, как сбежала с дачи ее сестра.

Алина вскарабкалась по лестнице, ведущей в мансарду, закрыла окно. Подоконник уже успело залить дождем – тот разошелся вовсю и даже не собирался останавливаться. Девушка машинально заправила свою постель, натянула льняное покрывало, взбила подушку. Присела на край кровати. Вот здесь она пыталась уснуть той ночью, ворочалась, боролась с накатывавшими волнами тревожных мыслей. Тогда она думала только о деньгах – больше ни о чем. И ей казалось, что ничего важнее и быть не может. Сейчас...

Алина вдруг поняла – она бы многое отдала за то, чтобы все проблемы опять свелись только к тому, как заговорить с сестрой о разделе имущества. «Я ее все-таки люблю! – с тревожным изумлением подумала она. – Ей нужно было исчезнуть, чтобы я это поняла!» Девушка почувствовала, что вот-вот заплачет. Маринка – единственный человек, которому она позволяла себя критиковать. Которого она сама критиковала, не щадя, не выбирая слов, напротив – стараясь ужа-

лить как можно больше... Ей всегда казалось, что без этих взаимных претензий и пикировок ее жизнь была бы неполной. И казалось, что именно в этом и состояли все их сестринские чувства – в том, чтобы постоянно выискивать друг в друге какие-то недостатки. А теперь, когда та пропала, Алина вдруг ощутила, что потеряла нечто большее, чем объект для насмешек. Ей было по-настоящему больно. Второй раз в жизни. Нет, в третий. Об аборте она старалась вспоминать как можно реже. Об Эдике она еще иногда разрешала себе подумать.

Девушка встала, оглядела комнату. «Моя сумка. Где она была той ночью? Да где же, как не здесь? Плащ я оставила внизу, а сумку взяла сюда. Иначе откуда бы я брала ночью зажигалку и сигареты? Пистолет оказался в сумке. Если исключить, что его подкинул Василий, когда сумка оказалась в его машине, значит... Кто-то вошел сюда, когда я спала! На рассвете, между пятью и восемью часами утра. Позже уже приехал Вася, а до этого я то и дело просыпалась. Если бы в доме что-то происходило – я бы непременно услышала. Тут же так тихо!»

Дождь барабанил по жестяному подоконнику с такой силой, будто пытался его сорвать. Алина сдвинула занавеску и заметила где-то во тьме легкий отблеск. Потом далеко про-рокотал гром. Одна из последних летних гроз – скоро наступит осень.

«Кто-то вошел ко мне, когда я спала, нащупал в темноте

сумку и положил туда разряженный пистолет. Стоп. В темноте?»

В темноте – и только в темноте. Потому что стоило в комнате зажечь свет, как Алина сразу просыпалась. Она могла спать, если за стеной шла развеселая свадьба, если в комнате работал телевизор... Ее можно было изо всех сил толкать, трясти – тогда она открывала глаза через минуту. Но если зажигали свет – она просыпалась сразу.

«В темноте... – повторила она про себя, потрясенная этой простой догадкой. – В темноте нашли мою сумку! Она стояла вон там, в углу – я поставила ее туда, чтобы не спотыкаться! Пришлось пошарить, разве нет? И тот, кто положил пистолет, знал, что я сразу проснусь, если хоть на несколько секунд включить электричество! Это могла быть только Маринка! Она знала, куда я могу поставить сумку, и знала, что электричество включать нельзя! Это могла сделать только она – больше никому! Сейчас, в августе, в пять-шесть утра уже не так светло, чтобы сориентироваться в комнате, не зажигая света! Да еще тут, в деревне, где и фонарей-то нет! Чужой человек непременно зажег бы свет! Она не зажигала! Да и зачем, чего ради чужой человек стал бы подсовывать пистолет мне в сумку?!»

Ее пробрала дрожь, и вовсе не потому, что стало холодно. Алина обхватила себя за локти, пытаясь успокоиться, уговорить себя, что, напротив, эта догадка должна ее немного успокоить. Если это сделала Марина – значит, у нее по край-

ней мере была какая-то свобода действий, когда она уходила отсюда. Ее не утащили, заткнув рот. Ее не убили и не унесли отсюда связанной! Да и Дольфик бы залаял, в конце концов! Не настолько же он туп, чтобы не сообразить, что хозяйку убивают! Она была тут одна и ушла добровольно, вместе с собакой на поводке! Ничего страшного не случилось – она просто куда-то уехала и теперь оттуда звонит... Но откуда же у нее пистолет? Зачем он был ей нужен?

«Я уверена, что она даже не знает, с какого конца за него браться! – подумала Алина. – К чему ей оружие? И почему она сунула мне его в сумку? Если она была одна, никто не утаскивал ее из дома насильно – почему же она не разбудила меня? Почему не попросила помощи, если ей нужна была помощь? А если ничего страшного не случилось, если она не была в опасности – почему же она убежала так внезапно? Еще накануне вечером Маринка никуда не торопилась! Даже в больницу – хотя туда-то ей следовало попасть побыстрее! И ничего не оставила – даже пары слов не написала! Пистолет – и все. Догадайся, мол, сама!»

Она еще раз обошла дом, обшарила все закоулки, осмотрела веранду с выставленной рамой. Никакой записки. Никаких следов поспешного бегства старшей сестры. Правда, ее постель тоже была не застелена, оставлена в разобранном виде. Алина прикрыла белье покрывалом, осмотрела шкаф с одеждой, стол, подоконник. Просто неприбранная комната, но незаметно, чтобы в ней кто-то боролся или собирался в

страшной спешке. Обыкновенный беспорядок, будто законсервированный здесь с того самого рассвета.

Девушка снова спустилась вниз. Поставила чайник, оглядела кухню. Будь здесь хотя бы какой-то намек... Ее взгляд упал на вешалку, возле двери. Старая куртка Василия, в которой он обычно копался в саду, легкий плащик Кати, разодранный на рукаве, – его специально привезли на дачу, когда он стал непригоден для носки в Москве. Поводок Дольфика – в деревне пес разгуливал только с ошейником, а вот если приходилось ездить с ним в Москву, на него надевали еще и поводок. Дольфик был очень рассеян и легко мог затеряться в толпе, перепутав хозяйские ноги с чужими...

Алина протянула руку, ощупала поводок, задумчиво сняла его с крючка. Поводок. «Если бы она увезла Дольфика в Москву – непременно надела бы поводок, – подумала девушка. – А она ведь его увезла... Так что же это получается? Без поводка? Без поводка она могла увезти его...»

Только в машине. Ответ был прост и пришел ниоткуда – будто кто-то шепнул ей эти слова на ухо. Если Василий приезжал на дачу за женой и детьми и сажал их в салон машины, то Дольфик запрыгивал туда первым, и конечно, в суматохе никто и не думал пристегивать к его ошейнику поводок. Да и к чему это было делать? Ведь собака просто не могла потеряться – в Москве ей предстояло преодолеть расстояние между машиной и подъездом, а Василий всегда парковался рядом с ним, во дворе было для этого достаточно места.

«Что же получается? Марина уехала на машине, а Дольфик просто запрыгнул за ней в салон? Но кто же ее увез?»

Она постоянно задавала себе вопросы, но ответа на них не было. Алина взглянула на часы. Близилась полночь. Она вышла на крыльцо, зажгла сигарету, постояла под навесом, глядя, как с жестяного края срываются частые крупные капли. В сад падали пятна света из окон, и мокрая трава казалась черной. Дождь постепенно стихал. Где-то далеко и грустно крикнула ночная птица – один раз, другой... Напрягая слух, можно было расслышать, как на другом конце поселка идет электричка. Одна из последних – и уезжать отсюда было поздно.

Алина бросила сигарету как можно дальше от дома, проследила, в каком месте сомкнулась над окурком мокрая трава. Вернулась в дом, прошла в комнату, где всегда спали дети, сняла телефонную трубку. Телефон работал, и она очень порадовалась этому. Здесь часто случались перебои со связью. Набрала знакомый с детства номер.

Ответила мать.

– Ты где? – первым делом спросила она. – Мы тебе звоним весь вечер.

– Маринка вернулась? – воскликнула девушка.

Но тут же узнала, что сестра и не думала возвращаться. Хуже того – она даже не позвонила, а ведь обещала сделать это в самом скором времени. Алина сразу сникла и уже безо всякого интереса выслушала сообщение о том, что отцу уда-

лось собрать среди друзей и родственников достаточно значительную сумму денег. Почти пять тысяч долларов. Давали неожиданно щедро – как только он упоминал о том, что деньги нужны Марине.

– Он всем сказал, что она пропала? – спросила Алина.

– Да. Кто бы иначе дал? Говорил, что на нее напали, похитили, что она звонила... Словом, сказал им все. Такой шум поднялся!

– А она сама больше никому из родни не звонила?

Никому – так сказала мать. Во всяком случае никто не признался. И была еще одна новость, которую Алина восприняла с достаточным сарказмом. Однако мать по этому поводу очень беспокоилась.

– Василия дома нет, – сообщила она.

– Ну и что? – равнодушно спросила Алина.

– Как что? Он тоже поехал собирать деньги, и вот его нет.

– Вернется.

– А кто знает? – нервно спросила мать. – Я ему звоню весь вечер, никто не поднимает трубку. Звонила даже на работу, отец отыскал телефон. Но там все уже разошлись, работает только автоответчик. Только я не стала ничего записывать... Как-то неловко путать начальство в семейные дела.

Алина согласилась, что начальству Василия вовсе незачем знать о том, что творится у него дома.

– Я вот думаю, а вдруг его ограбили, когда он ехал домой? – продолжала переживать мать.

– Как его могли ограбить в машине?

– Ну может, он посадил кого-то, решил подработать, сейчас деньги нужны... А тот его...

Алина даже не дала ей договорить. Она сказала, что Василий не такой дурак, чтобы сообщать всем и каждому, уж тем более – случайному попутчику, что везет с собой крупную сумму денег. Да и вряд ли бы он посадил кого-то. Ради чего? Ради лишних ста рублей? Тем более, если торопился домой, не зная никаких новостей о пропавшей жене...

Мать согласилась, но все-таки осталась при своем мнении – что-то случилось. А иначе – почему о нем до сих пор нет никаких вестей?

– Мы думали, вы с ним вместе ищите Маринку, – призналась она. – Вот и звонили тебе. А тебя тоже нет. Я просто уже не знала, что и думать.

– Я на даче, мама, – призналась Алина.

Мать оторопела:

– На даче? Зачем? Что тебя туда понесло?

– Я хотела кое-что проверить.

Короткое молчание.

– Ну и проверила? – нерешительно спросила мать. Она явно не понимала, что имеет в виду ее младшая дочка.

– Да, кое-что удалось узнать.

– Например?

– Поводок Дольфика на месте.

Мать некоторое время пыталась сообразить, почему это

было так важно выяснить. И вдруг поняла:

– Она уехала с собакой на машине?

– Вот именно!

– Так ты считаешь, ее увез Васька?!

Алина чуть не выронила трубку. Она обдумала все возможные версии исчезновения сестры... Но такая догадка ей в голову не приходила!

– Васька? – повторила она. – Постой... Почему же он вернулся потом на дачу? Он же ничего не знал о ее пропаже!

Мать стояла на своем, но Алина уже ее не слушала. Она бы ни за что не поверила, что свояк способен на такое достоверное притворство. Он не актер – этим все сказано. Он бы просто не сумел бы разыграть такое естественное удивление, такую злость, когда приехал сюда в понедельник утром. Он и в самом деле впервые услышал о том, что Марина исчезла. Но... Почему она исчезла так поспешно? Не потому ли, что ждала возвращения мужа и просто не в силах была с ним встретиться? Но тогда между ними кое-что произошло. Что-то, о чем не знает ни младшая сестра и никто из членов семьи. Знает только сама Марина, да ее незадачливый супруг... Да еще, конечно, тот, кто увез отсюда Марину.

«А вдруг у Маринки в самом деле есть любовник? – подумала Алина. – Тогда все становится проще... Только одно непонятно – зачем ей нужны деньги?»

Она наскоро попрощалась с матерью, заявив, что остается ночевать на даче. Позвонила еще по одному номеру, но

Василий не ответил. Его или не было дома, или он просто не желал снимать трубку.

И тут ей захотелось есть. Как всегда – внезапно. Когда она еще жила вместе с родителями, мать кормила ее завтраком и ужином, а в перерыве между лекциями она наскоро съедала какой-нибудь хот-дог. Потом, когда Алина стала жить отдельно, она перешла на сплошные хот-доги, пиццы и булочки. Готовить не было ни времени, ни желания. И для кого было учиться готовить, если дома ее никто не ждал? У нее не было даже поваренной книги, и вершиной кулинарного искусства для Алины оставался суп, который она иногда варила, бросая в кипящую воду замороженные овощи. Ложка соли – и все. Это был ее воскресный обед. Да и то, она варила этот суп не каждое воскресенье. К чему? Дома всегда находились какие-нибудь пирожки, купленные дня два назад, впрок. Она ела, когда ощущала голод. А сейчас она его ощущала.

Алина заглянула в холодильник, задумчиво рассмотрела замороженную курицу и пачку масла. Покопалась в помидорах и парниковых огурцах. Нахмурилась. Ни одной булочки. Но должно же было остаться жаркое, они с сестрой съели совсем немного...

Однако жаркое пропало. Она подняла крышку с кастрюли, забытой на плите, и, поморщившись, поспешно ее закрыла.

«Надо бы помыть посуду, – подумала она. А затем: – В

подполе должны быть какие-то закрутки. Лечо, баклажанная икра. И уже конечно, это будет намного съедобнее, чем творения бабы Любы. А хлеб тут есть, пусть даже жесткий».

Она подняла крышку подпола – туда спускались из кухни. Нашупала падающий в темноту шнур, воткнула его в розетку. Внизу слабо вспыхнула пыльная лампочка. Алина усе-лась на край люка и нащупала ногой первую ступеньку. Спустилась лицом к лестнице, осторожно держась за ступеньки. Ей вовсе не хотелось упасть, как упала когда-то баба Люба. Старуха даже не сразу смогла выбраться наружу. Именно с тех пор она и не решалась спускаться вниз, а просила об этом своих соседок...

...Внизу, на дощатом полу, среди рядов банок с консерва-ми, лежал Дольфик. Уже совершенно окоченевший...

Алина постояла над ним, не сводя взгляда с красного пят-нышка на досках. Пятнышко было рядом с его головой. По-том тронула собаку носком туфли. Труп совсем зачоченел. Ей удалось слегка приподнять голову, и она увидела, что пятно под нею было намного больше и темнее. Никакого непривычного запаха она не ощущала. Запах тут был самый обычный, подвальный – чуть гнилостный, душный, какой-то мерзлый, будто где-то здесь, наряду с консервами, хранился в ожидании своего часа кусочек зимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.